

Твоя профессия:

**ЛЕКАРИ
СЕРЕБРИСТЫХ
ПТИЦ**

№ 13 июль 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ — 50 ЛЕТ

Монголия... Ветер расправил свои крылья над бескрайними степями и го́бисскими барханами, холмами и реками. Долгая, задушевная песня арата, грустная и рабостная, песня, возникшая в самом центре Азии. Когда вслушиваешься в нее, то с какой-то особой ясностью понимаешь сердце народа — доброе, мужественное, простое и открытое для друзей, сердце народа, который за полвека под руководством Монгольской народно-революционной партии шагнул от феодализма к социализму. Из безграмотного и полунцивицизованного прощлого возстал народ, чей голос весомо звучит с высоких трибун. Ныне песня арата перекликается с фабричными и заводскими гудками, веселым посвистом высоковольтных проводов. Юность получила широкие возможности учиться, развивать свои дарования в многочисленных школах и вузах.

Люди народной Монголии — давние и верные друзья советского народа. Мы всегда были вместе: и в годы тяжелых испытаний и в дни напряженного труда, побед и праздников. Эта дружба — торжество социалистического, прогрессивного интернационализма, завещанного великим В. И. Лениным и выходящимся сыном монгольского народа Д. Сухэ-Батором.

ЛОГА ПРЯД

Пурэвжамбын ПУРЭВСҮРЭН

Хочу спокойствия

Устав душой от ветра дикого,
Затихшем долгим дорною.
Хочу спокойствия великого,
Когда в грядущее гляжу.
Все мысли важные, нелюбимые
Родятся только в тишине,
Когда пишу мои тревожные
Строки о мире и войне.
Снаряды вой,
Самсет пули яростной —
Зачем они душе людской!!
Мила мне тишь, мне нурен
радостный,

Живой,
Раздумчивый покой.
Когда сидишь с собой,
Влюбленные,
В негустой, ломкой тишине,
Занони нурине телефонные
Немало докучают мне.
А стукан в двери
Или сигнальные
Гудки шифера-звастуна,
Такие глупые, навальные!
От них душа моя боится...
Надежного и безопасного
Хочу спокойствия для всех,
Такого доброго и ясного,
Как беззаботный детский сон.
В нем никогда встали колони
Не всплывают строчки и войны,
Пронизав сплещимы окосками
Глаза трепещущие мне.
Дружбу и с тишиной,
Той самой,
Которая велеть смогла,
Чтоб не было разлуки с мамою,
Они вдали на земле не топала.
О, как я незнаю злойшего
Врага любви,
Врага труда!
Хочу спокойствия помельшого,
Хочу я мира навсегда!

Сила огня

В ладу враки людского дня —
Мороз и жар.
Но знает при это:
Они вдали сабейной,
Возбуждено телом и светом.
И вновь душа твоя легка,
Когда зима в степи полночной
От небольшого костеря
Растает из сагов ветрочный.
Со злости можно ополеть

Снеирела волница-вьюга.
Но ей никак не одолеть
Оттеп окрашенного круга.
И тыма, что грозно губило,
Со светом избегает стланин,
Шарахавсь от огонья
Заженой терпеливо спличи.
Не так ли, чудное теплу,
Плещиков арамано нурин,
Коварство прачется во мглу
И делается все жестоце!
Оно, как ветер-верхоик,
Лишь в тылосте снега метущий,
Бовств, что поканает им
Светило правды всемогущей!

Предутренний сон

Вздыхает ночь, глядит луна,
И звезды острее дрожат,
И через край душа полна,
И мысли-буркаты кружат...
Запутались лучи луны
В косматой гряде скакуня.
Я чую дровь его сплечи
И в ход пускаю стрелена.
Он расстилается, лета...
Лета без усталы, стремляя.
И ветер быт в лицо, санста
Над забыто шелковистых трав.
Мой плащ, обрызганный росой,
Крылом залопал на лету.
Восток даленной поносой
Рассвет седрую талмату.
Мне 6 до рассвета ачаться так
По заветнойгой степи,
Развесься, непроглядный жар,
Дорогу песне уступил!
Я просыпаюсь. Это сон...
С маюю жгучею тоской,
В реальном мире перенесен,
И слышу грохот городской...
Родной вил, мечте мое,
Которое до поры жуно.
Когда теба жуноку я —
Но не во сне, а наяву!
Когда услышу в опель,
Самсет ветра в гряде скакуня,
И будет с ней лучи сплетья
Степная легкая луна!
Я сам жуно, как этот нонь,
Оставить город позади...
Ведь я разоронный огонь,
Злоной передритный в груди.
Ведь сердце рвется в аиный край,
Могорого на свете нет.
Хоть все края перебривай

По берегам шумящих лет.
Расцветает любая мгла
И ставнет на душе светлей,
Когда я сосною с одеда
У орты матери моей.
Я к ней сплещу в тревожном сне,
Хоть авэ уме не отогать,
Я на моем степном поле
Над забыто трав лету овств.
Мой плащ — как павая на ветру.
Мне передышка не жуно,
Пускай поганку, пусть умру...
Я знаю: молодость одеда.
Мне до званата ачаться так
По уводящей степи.
Но говорю: «Развесься, жар,
Дорогу песне уступил!»

Песня о желтых листьях

Плещ потонулись кончалы
Древней дорогой — на юг...
Желтой листою деревья
Вновь развезены округ.
Золото их бесхерасты —
Эта песня крася...
Падают желтые листья,
Золотом плещут леса.
Желтые листья березы
С тонких плещущих ветвей
Наземь струятся, как слезы
Милой моей,
Дальней моей.
В сне в моем сердце так жрок
Свет, размокниженный тобой,
Словно какой-то подарок
Мне уготован судьбой.
Свет в моем сердце свет,
Как никогда не свек,
Хоть между нами зивет
Времени мглыстый провал.
Словоз беспредельность разлуки
Внесу я владолом любви
Смуглые стройные руки,
Тонкие плечи твои.
Внесу твою, дорогая,
Плещные грусти глещав...
Больно ли боль постыгая,
Знаю: вернуться нельзя.
Машут и машут реснички —
Крылья сонучи и часос...
О перелетных птички
Звукн родных голосов!
Только в душе негасимым
Юньем очи любви...
Сколько судьбу ни проси нам,
Сколько мечту ни зван!
Желтые листья кружонись,
Льнуни к щекам и губам,
Желтые листья льдонись
Под ноги нам и дубам...

Желтые листья кружатся,
Как и тогда, надо мной.
Мне бы упасть и прижаться
К иинной земле неродной!...
С чувством боли и тревоги
Счастие, как вядро, в рождестве.
Спряталось гронин-дорюи
В желтой шуршащей листве...
Желтые листья кружатся
В аинной лесной тишине,
Желтые листья ломаются
На сердце мне,
На сердце аине.

Тщетное желание

Ах, детство, детство,
Как ты далено!
Но в то же время гдето близко,
Рядом...
И кажется, что можно бы легко
Хоть на денек уйти к твоим отрадам.
Опять бы я в матерью мою
Безнае в слезах по луговой дорожке...
Чесная бы, сидя в юрте рядом с ней,
Курчавый бок ягнени-белоничке.
Там, рядом с мамой, алычонкой моей,
Опять бы в русые вихоры реки
Набрал в карманы камушек —
пеструшек
И ачлался в вырвал наперегонки
В ораве малагунато и девушкн.
Ах, детство, детство милое мое!...
Вернуться бы в мнн и аиной побуде
И увести мне за руку ее,
По сторонам глядящую в испуге.
Ах, детство, инноваторное мое!
Замысло сердце
И заплещло от ступа.
Но нет, не прыгнуть выше головы.
Ах, детство, детство!
Мечта такая глещуе,
Что мы с тобой не встретимся, увыл
Легла меж нами вечная разлука.

По горячему следу

Со дворч — степило стайон белых жух.
На земле было — словию знопа гух...
Засыпает снег лета свенной след,
Клумбы замело, кландый кустик сед...
Вновь гляжу в окно: на земле черно.
Где он, первый след? Нет его давню!
Здесь он был — да сплещ,
Этот ранний снег,
Видно, не стып лета жаркий след!

Перевел с монгольского
Юрий АЛЕКСАНДРОВ.

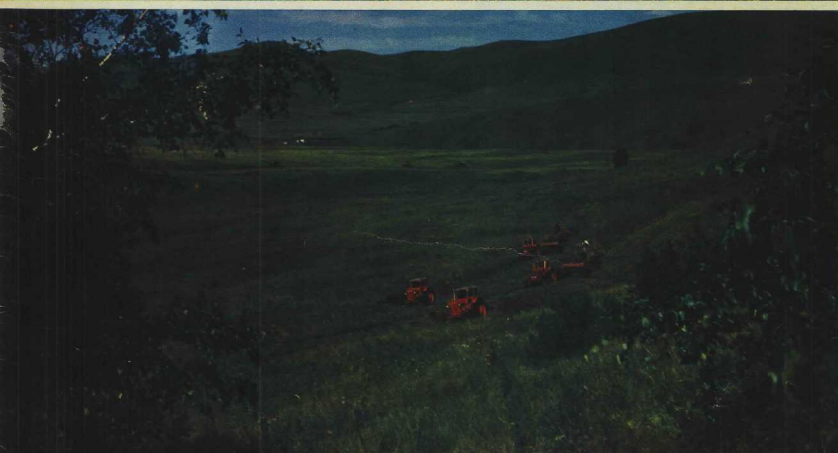

ПЛОЩАДЬ СУХБАТОРА.

УЩЕЕ ГЛЯЖУ..

АРТЫ АРАХАНГАЙСКОГО АЙМАКА.

СЕНОКОС В РОСХОЗЕ «УТГААЛ» ИМЕНИ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОБРА МОЛОДЕЖИ. АРТЫ АРАХАНГАЙСКОГО АЙМАКА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 13 [1059]
НОЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА: НА ПЛОЩАДКЕ МИНСКОГО АВИАРЕМОНТНОГО ЗАВОДА — ТУ-124 — САМОЛЕТ АЭРОФЛОТА

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

**ЛЕСТНИЦА.
ВЕДУЩАЯ
К ПРАЗДНИКУ**

16

**ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ
ИМПЕРИАЛИЗМ.**

20

НАУКА: БИОФИЗИКА.
Молодые ученые
на подступах
к проблеме памяти.

22

ТОЛЬКО НАЧАЛО.
Две неоконченные
баскетбольные истории
с предполагаемым
счастливым концом.

28

МОДЫ. ЛЕТО-71.
Предлагает Ленинград.

**СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
У СПАРТАКИАДЕ НАРОДОВ СССР.
СПОРТ ВО ВСЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Еписеев, К. Н. Зайкошкин, А. П. Кулешов, А. А. Лыханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашкевич.

Художник О. С. Теслер

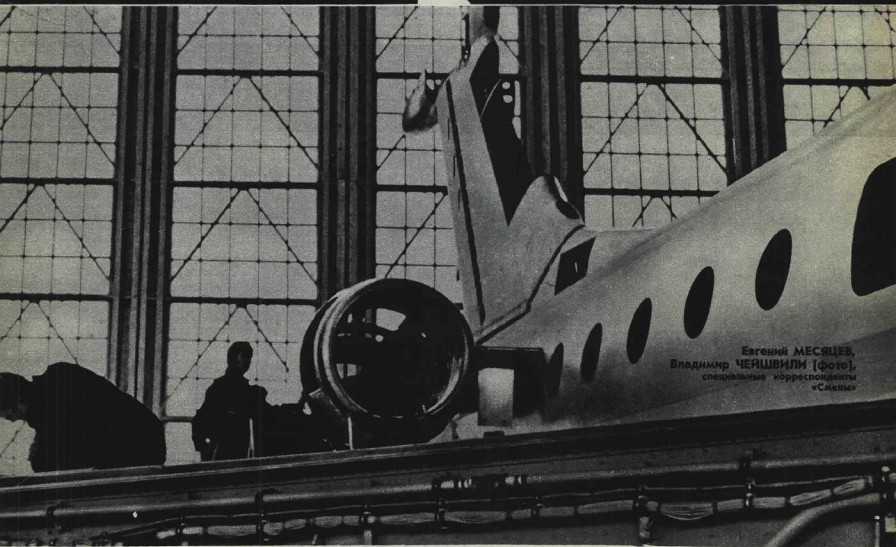
Технический редактор Н. И. Будкина

КАПИТА

Твоя
профессия

ПЛЫННЫЙ РЕМОНТ

Евгений МЕСЦЕВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Сельхоз»

«Один день простоя самолета
ТУ-134 обходится государству
в 870 рублей!»

(Плавает в хлещальном цехе
Минского авиастроительного завода)

Экипаж Московского управления гражданской авиации епригналы в Минск самолет ЯК-40.

Тяган подтащил ЯК и воротаи ангара, а вице через час вокруг него уже толпились рабочие.

Я еще не знал, что случилось с этим самолетом. Я только видел, как пневматические зубиле в игловентири она срубали заклепки, и листы дюралюминия сползали с корпуса. К концу дня от ЯКа остался лишь остов, назначенный внутрянностями.

Имми-то и занялась бригада монтажников. Жгуты электро- и радиопроводки, трубки гидравлических и воздушных систем рабочие бережно складывали в сторонку, а затем развозили по цехам и лабораториям, чтобы там тщательно проверить их на прочность и установить ее оставшийся запас. То же делали и с приборами ЯКа, хотя все с ними было в полном порядке, и летчики, пригнавшие самолет, не жаловались на

НА ЯЗЫКЕ АВИАТОРОВ ЭТА
КАРТИНА НАЗЫВАЕТСЯ ДЕМОН-
ТАЖЕМ.

оборудование машины. Но такое уж здесь правило: все, что привычно, повешено, привязано или приклеено, на ремонтном заводе обязательно должно пройти всестороннюю проверку.

Давайте же проследим движение основных узлов и приборов на этом заводе, посмотрим «кухню» капитального ремонта современных пассажирских самолетов.

Минский завод — крупнейшее в СССР ремонтное предприятие. Здесь обновляют все типы пассажирских машин, которые обслуживают наши средние и ближние воздушные ли-

нии: ИЛ-14, ЯК-40, ТУ-124, ТУ-134. Все эти самолеты наша страна продает более чем в 20 стран мира. Флаги многих из них можно видеть иногда и в Минске (в то время как рабочие «раздвигали» московский ЯК-40, не заводскую площадку зарулили четыре самолета из Югославии и один из Афганистана). Я разговаривал с иностранными пилотами. Они довольны машинами; хорошо отзываются о навигационном оборудовании советских самолетов, их устраивают удобства и интерьер. У летчиков почти не бывает претензий и к ремонту...

Секретарь комитета комсомола Борис Ткачук всего год назад оставил работу в лаборатории, где проверяют радиоэлектронное оборудование и прочие приборы современных лайнеров. Он, естественно, знает всю подноготную этого дела, а по нынешнему своему профилю работы прекрасно разбирается и во всем остальном. «Московский ЯК-40 уйдет от нас через неделю-полторы. Ремонт на заводе поставлен на конвейер...»

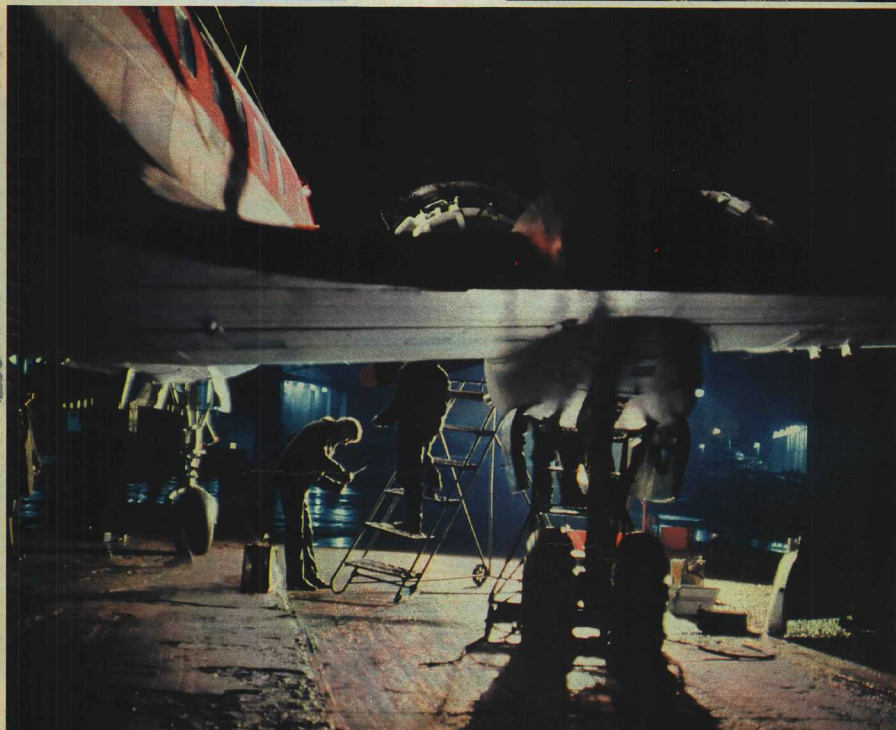
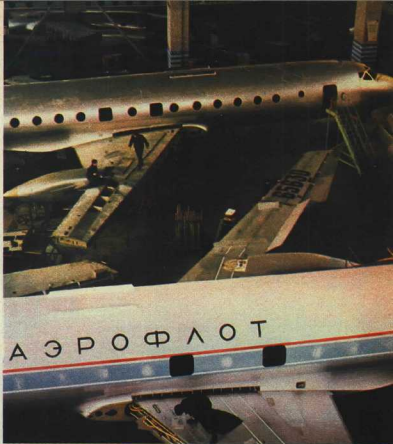
Основные участки Минского ремонтного завода не отличаются от цехов серийной сборки. Шесть машин

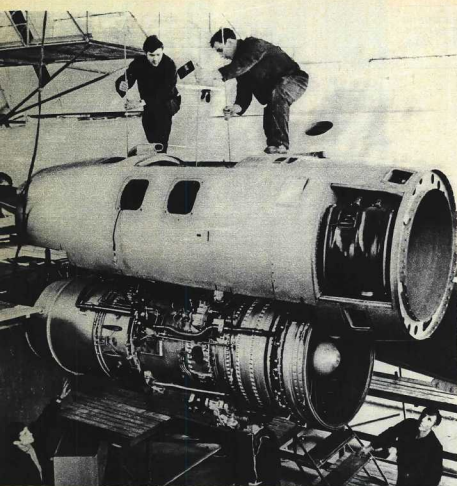
В ОБЪЯТНЯХ СТРЕМЯНОК.

ИЛ-14 ПОКИДАЕТ МИНСКИЙ ЗАВОД НОЧЬЮ.

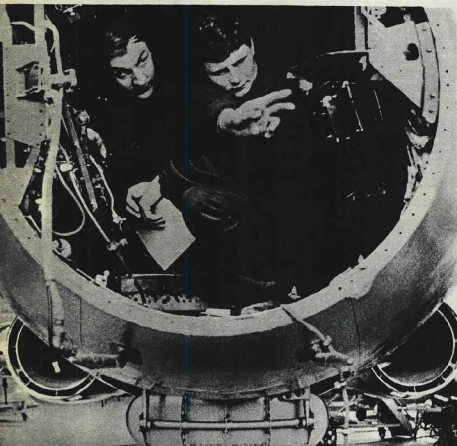
ДЛЯ ПАССАЖИРОВ
САДОН ЯК-40 ВЫГЛЯ-
ДИТ, КОНЕЧНО, ИНА-
ЧЕ.

В СБОРОЧНОМ ЦЕХЕ
УМЕЩАЕТСЯ ШЕСТЬ
ТАКИХ МАШИН.

ИДЕТ МОНТАЖ ДВИГАТЕЛЕЙ.

ШТУРМАНСКАЯ КАБИНА ТУ-124. РЕМОНТНИКИ СНЯЛИ С НЕЕ ПЛЕК-СИГ-ЛАСОВЫЙ НАКОНЕЧНИК.

РЕМОНТ ОЦЕНЯЮТ ПИЛОТЫ ЛЕТНО-ИСПЫТАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИИ (ЗА ШТУРВАЛОМ ВАЛЕНТИН ГОСТЕВ).

ТУ-124 свободно умецаются в ангары, и еще остается место для бензобаков, электродвигателей, всевозможных стрелок, миниатурных фонтанчиков (в цехах поддерживают микроклимат) и цветочных оранжерей. Пуде-сюда сидят десятки людей, но в цехе тихо: шум, который создают пневматические сверла, молотки и зубила, глушится вышоченными потолками — с клепаляшками, например, можно говорить не надрываясь.

Чистотой в сборочных цехах (да и не только в сборочных) теперь никого не удивишь — это стало, пожалуй, нормой современного производства. Но белый халят на авиационном заводе несет еще одну смысловую нагрузку — он подчеркивает легкость и чистоту линий современных летящих машин.

Разделанный «под орех», наш Як-40, если к нему подойти вплотную, на первый взгляд готов сейчас же обрушить на вашу голову пыль, остатки масла и горючего. Но грязь на машине как не бывало: прежде, чем затянуть самолет в цех, его тщательно пропылесосит на улице Бригада уборщиц. Только после них от делючки поднимают фанерные (их толщина более сантиметра) половицы, и специалисты по управлению самолетом осмотрят тяги рулей: нет ли на трубках вмятин, не «распушились ли тросы».

Враг номер один — вибрация. Она действует на узлы самолета в первые же секунды полета: двигатели, воздушные узлы и рытвины, посади на бетонные аэродромы... Вибрация отворачивает незаконченные болты и гайки, пузирит обшивку самолета. На современных машинах топливные баки расположены в крыльях. Пред-

ставьте, что может быть, если вибрация вырвет из крыла жестокое заклев-ление. Вот почему так тщательно на заводе проверяют герметичность самолетных крыльев. Способ у контролеров простой: в баки нагнетают воздух, сверху по крылу ходит рабочий с ведерком, в котором замешан обыкновенный мыльный порошок. Кисточка аккуратно кладет пену на подозрительные места, и если поднимаются пазыри, ясно, что именно здесь нужно поднять обшивку крыла, замазать все вокруг специальной герметизирующей пастой.

Сложнее с проверкой рулей и шасси, то есть с теми узлами, которые выдерживают основные и наиболее частые нагрузки. Прежде всего чисто внешняя проверка: нет ли трещин, не пузирится ли обшивка на элеронах, триммерах, закрылках, руле высоты и поворота. Затем, если это, конечно, нужно, все перечисленные детали снимают и отправляют на рентген.

То же самое ремонтники делают с шасси. Малейший изъян — и всю стойку шасси сейчас же заменяют новой.

Все без исключения электрические жгуты и кабели испытывают на специальном верстаке. Здесь через провода пропускают все существующие на самолете токи и напряжения. Подозрительные места обивают и заново проверяют. Работа электро- и радиомонтажников напоминает студенческие занятия в анатомическом театре: они осматривают во внутренних частях самолета с постоянным любопытством.

Бригадой, которая проверяет и исправляет все радиотехническое и ра-

дилокационное оборудование самолета, руководит членом комитета ВЛКСМ Николаем Бжезинским. Он имеет личное кильно, а его бригада вот уже четвертый год считается лучшей на заводе.

Рбота из бригады Бжезинского сландот контрольным мастерам отлаженные приборы с первого же предъявления. Отличная работа — это ясное ощущение ответственности, которая ложится на них с первых же минут работы за своими проверочными или отделочными пультами. Никому не надо объяснять, как может сделать в поле небрежно припаянный кончик провода, не оцененная от пыли шкала прибора или не тот предохранитель на электрическом пульте. На заводе лучше, чем где-либо, усвоили правило — в АВИАЦИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МЕЛЮЧЕЙ, отсюда и идет эта органическая потребность удесятерить свое умение, способности и, конечно, внимание.

Это стало законом, который подталкивает все звенья капитального ремонта: монтажники, клепаляшники, лудильщики, гальваники, медники, электромонтажники, оклейщики и маляры.

Я слышал здесь такую фразу: «Если самолет Ту-104 неукратно выкрасит, то за один лишь перелет от Москвы до Симферополя его двигателя «съедят» сверх нормы более тонны горячего: малейшие шероховатости создают дополнительное сопротивление — тонна сгорит ни за гроши» И я видел, как старательно «обжигали» Ту-134 Тамара Станкевич и ее подруги: за одну смену они сделали из него настоящую грущу: отшлифовали и выкрасили самолет, а затем с помощью трафаретов стара-

тельно начертали на его крыльях (здесь они надевали фетровые тапочки, чтобы не поцарапать краску и лед), на днищах, бортах, хвосте и двигателях все необходимые техники и механикам слова: «Открывать только вниз», «Дренаж топливных баков» и так далее.

За день я с трудом проследил все путь прибавшей на завод машины: ЖК все время передекали, а на его место сейчас же ставили другого самолет — точно такой же. Друга я ходил по цехам и лабораториям, на ЖК сменили часть электрической проводки и жгутов (и проверил их), покрасили приборные доски, обновили внутреннюю обшивку пассажирского салона. На следующий день самолет уже был в руках гидравликов и электриков, которые сейчас же принялись «гонять» шасси (для этого машину приподнимали специальными домкратами), проверять, как работают закрылки и автоматика запуска двигателя, есть ли связь, как греет пищу и воду бортовые жаровни и кипятильники, как ведут себя вентиляция и холодильники. Совсем недавно в пассажирских салонах Ту-134 появились телевизоры. Это новшество сейчас же пришло и в Минск: радисты, электромонтажники уже знают схемы всех портативных телевизоров, и особенности их монтажа на различных самолетах.

На пятый день свергающийся ЖК уже выкатили с воротам летно-испытательной станции, где за него взялись летчики.

Как истинные испытатели, они часто не уверены в стопроцентной гарантии своего благополучия, и поэтому их поспешно нет-нет да и толкает мысль: «А вдруг именно на этом

самолете эти сотни тысяч деталей не войдут в полное и абсолютное взаимодействие? И не получится ли, наконец, так, как это было в известном анекдоте с часовым — мастером, который разобрал часы, а затем, собрав их, увидел на столе лишние детали!»

Возглавляет ЛИС бывший летчик-истребитель морской авиации Александр Петрович Шаулов. Ему подчиняются два экипажа испытателей. Одним из них командует Валентин Гостев. Сегодня они будут проверять на Ту-134 еще одну новинку авроплота — «Беспилотную систему захода на посадку». Кроме этого, летчики должны окончательно выявить самые мелкие дефекты: там от недоброго дачения рабочего незаметно сторвалась промочка, там нет контрольной краски или проволочки... Все это сейчас же исправляет группа рабочих-сдатчиков. Когда из ведомости дефектов исчезает все замечания летчиков, самолет готовят к полету.

И вот этот момент наступил. Гостев уводит самолет подальше от Минска и здесь включает эту самую беспилотную систему захода на посадку.

Он убрал руки и ноги с управления самолетом: машину ведет прибор, которые получают и перерабатывают все команды земли. Наш самолет разворачивается, затем начинает снижаться, затем снова разворачивается и ложится на посадочный курс. Я смотрю на высотер — 70 метров. Но Гостев по-прежнему держит руки в карманах. А вот и

взлетная полоса. На шестидесятиметровой отметке командир отключает автопилота, берет наконец управление и мягко сажает нашу машину... Что же особенного в новой, беспилотной системе? Прежде всего то, что она в какой-то мере снимает с летчиков самые высокие эмоциональные нагрузки, которые возникают именно на посадке и особенно в плохую погоду. Приборы берут на себя десятки сложных расчетов и действий: следят за воздушной обстановкой в районе аэропорта, прокладывают посадочный курс и строжайше его выдерживают. И только перед самой последней летчики берут управление в свои руки, когда уже все ясно и видно как на ладони — посадку нельзя пока доверить приборам и машинам...

Ну, а что с нами? Жюки! Завтрашние контролеры приняли его у бригады сдатчиков, и с завтрашнего дня машиной займутся Гостев и его коллеги. Если у них все будет гладко, начальник ЛИС вызовет жюжера — экипаж Московского управления аэроплота. Мне же Шаулов предлагает лететь в столицу на Ту-134, который простоял на Минском заводе всего два дня: его нужно было только заново покрасить.

Наш Ту ведет летчик первого класса Виктор Николаевич Мирнос. Приземлившись во Внуково, он вместе с инженером Георгием Шалпиро еще раз обходит свою машину. Почти новенький Ту уже окружили техники и механики, к нему спешит топливозаправщик.

Сегодня же после тщательного осмотра Ту-134, бортовой номер 63613, примет пассажиров, вылетающих рейсом в Мурманск.

Неистовый Каблуков

Рисунок Михаила ПАПКОВА

Сколько мы потом ни вспоминали — и через десять и через пятнадцать лет, — так никто и не припомнил ни имени его, ни отчества. И это не случайно. Никто его по имени-отчеству в школе не называл; взрослые предпочитали фамилию, а ученики дали длинную кличку — так она к нему и прилипла.

А случилось это так.

В день нашего знакомства Каблуков произнес небольшую речь о силе электричества. Свое выступление он решил проиллюстрировать популярным примером и повел нас в дальний конец коридора, где находился главный распределительный электрощит с рубильниками и выключателями, упрятанный в деревянный некрашеный ящик. Без замка.

Каблуков выстроил нас в цепочку. Мы стояли, взявшись за руки, образуя таким образом живой провод.

— А теперь хватаясь за одну фазу, кто там поближе! — смеялся Каблуков. — Здесь всего его двадцать семь вольт, не бойся!

И тот, кто стоял ближе, ухватился. По цепочке побежал колочий ток. Я на всякий случай встал последним, и, согласно законам электричества, меня трясло больше всех. Но тоже не очень, терпимо.

Каблуков захохотал, запрокинув голову, довольный, и все повторил:

— Я же говорил, не убьет. Вот пятьсот вольт — это хана. А здесь только сто двадцать семь, а может, меньше.

Так его и прозвали! — «Пятьсот вольт» — хана, сокращая эту кличку каждый по своему усмотрению. Каблуков о ней знал, но не обижался. Он вообще никогда и ни на кого не обижался. Характер был золотой.

Понялся он в школе тоже странным образом. Пришел к нашему директору и сразу, без приветствия:

— У меня на вокзале шестьсот килограммов уникального оборудова-

ния. Клад для ребятшек. Дайте поменьше, а про условия будем говорить потом.

Что-то магнетическое было в глазах у Кабулова, и вид демонических волос в равные стороны, шивел до себя, набросана на плечи на манер бороды, бородки обхватили. А когда говорил, у него была привычка воздух рубить рукой, как саблей.

И тут любовь бы перед ним отступил. Сдался и наш директор. Георгий Иванович послал на вокзал полутору и пятерых ребят в помощь. Дали Кабулову большую комнату, куда съезжали десятки школьников с полустершими шапками, ботинки, обмотанные в бумажку, аппаратура. Тут же мы приватили железную солдатскую кровать, матрац и стол. Студенты у нас лишние не было, и Кабулов обошелся своими ащими.

Учителя стоговались вместе с нами, а Кабулов брал ее «на дом», съезжая на нехватку времени. Показывая двумя котельями, он приходил на кухню, подставляя свою тару и получал два черпака борща и перловку. Копит оно наливало в крышку от котелка, но когда каша была вместе «без изюма» — не было ни трески, ни мяса, — трелью он выливал, и уже повару — прямо в кашу. «Борщик будет сметаной», — оборочился, аппаратурою, что это все предрассудки — юзер, третье. Емкость у человека одна!»

И он хлопал себя по животу. Получалу в комнату с собо Кабулов никого не допускал, объясняя это просто: «Дураком полярбате не показываю». Но мы настояно толкались у двери, прислушивали. Там что-то гремело, грохотало, падало, противно визжали выдрываемые из дерева гвозди, напевала пила.

Мы пытались пробраться хитростью, предлагали помощь. От помощи он не отказывался, посылал нас то за гвоздями, то за досками, но все материалы принимал у двери, на которой вывесил табличку: «Идет монтаж оборудования. Просьба не беспокоить».

Но с одной из книг эту табличку Кабулов заменил плакатом, выполненным цветными карандашами:

ВНИМАНИЕ!

С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ ПРИНИМАЮТСЯ ЗАПИСИ В КРУЖКИ: РАДИО, ФОТОГРАФИИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. ЗАПИСЫВАЮТ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ, ЗАВ. ЛАБОРАТОРИИ КАБУЛОВ

Хотели все, но больше записывался в радио и фотографический. Все еще помнили первый шаг Кабулова, и в электрический не шли.

Кабулов все заносил в толстую клеенчатую тетрадь, каждому из нас полагая и тридцать пять: Кабулов.

И наконец — «Пятсот вольт» взял нас в светлая сытых. Мы акнули, и три десятка стрижённых под машинку волос задрожали, как стрелки компаса, попавшие в магнитное поле. На полочках, колах, оставшихся от ремонта, а то и просто на полу, здронь стая, лежали моточки, чашки, с прутьями от старого самозвонка, и электроды от старого шулера, отшлифованного из них. Еще лампы разных размеров, а одна огромная, с металлическим сверкающим рефлектором: лет через десять я узнал, что это был квари.

Кабулов стоял посреди своих сокровищ, запрокинул голову и угрозно вытаращившись вперед, и не хватало только дикшеворочный палец — чтобы замахать, — и все бы это богатство занело, зареабало, заиграло, заселелось.

Начек не было. Была рея. «Пятсот вольт», — сказал «Пятсот вольт», — залто на фронте профес и вывезено с разрешения командования. Тут технику нам предстоит осваивать. Ко-что тут хитро устроено, и одной оттервкой, без головы, не разбереш. И тем более не собереш. Заниматься будет все, но лидерый вытосто. Только упертоство и грудожаство можно открыть замки науки.

В задних рядах мыкнули, и Кабулов, недовольный, обернулся. Это наши бывшие спецнапцы по отмачкам Ребилы, что тут в науку мы уже открыты, свое дело они знали хорошо. А Кабулов воспринял смешки не парировал и хотя ни на что и само обшаривание, но его мнение, воже жизнь променял под абейной, чтобы открыть один единственный закон.

— Не ожидайт, а действуйте наперекор. — Кабулов уже почти перешел в крик, и в эту секунду, собравшийся гомос его оставили. Он замолчал и вытнул голову, прислушивался к звукам. Кабулов вынул трансформаторы, амперметры и деревянными коробками от полевых телефонов.

На это, собственно, все и возмолось. Только еще наш «Пятсот вольт» — хана — зачитал длинный список вещей, которые были совершенно необходимо для начала работ. В списке были закрепители, прояснители, батки, набор радиомлаи, детекторы, два цинковых ведра, ведра, халаты. Перечисляя все эти полевые вещи, Кабулов выдыхал и сокрушался. Столько же полярных детект, о чем он и зимой и сейчас. Но мы увидели приоткрытые врата великих возможностей и, нежидая для себя почувствававшие страсть к науке, возволли:

— И директору-у! «Пятсот вольт» впереди бригаговольной армии, как Ипполитом, размалывая список. Ведр, халата и отпавший веник, согласно резолюции, мы получили тут же у кладовщика. Все остальное общедся приобрести в магазине. Директор смотрел на Кабулова с испугом, он уже раскисал в свои минутной слабости. Но путь и отступлению был отрезан: Кабулов стоял студено, о чем он и зимой и сейчас. Кабуловы штампили в копечку, и отсылать его снова на вокзал было нерентабельно.

Для черт два отпавлился за покупками в город. «Пятсот вольт» — хана» отбара пятерых ребят, у которых была крепкая нога. Вытиски он оскапывала придирчиво, как станина осматриваете амундицию перед боем. Остава, обу в резинавые сапоги, переаказывая проволочкой и зеречеными, смотрели на нас с нескрываемой завистью. Мы думали, что предстоит великий марш-бросок, но Кабулов провел нас через сад и трамвайной остановке.

В саду одурмативавших нас халатами, успешное от войны кошки грелись на асфальтовых дорожках, подставив солнышу рёбрыне бока.

Мы атиснулись в набитый вагон, стараясь держать руки на явну, на брезентовых пелках или поручках: лезло, что наши отвисшие в колёнах штаны с блястями от паркетной мастике задуми и стриженные головы заставляли пассажиров несольно проявлять беспокойство за наши маршмы, сумочки и другую личную собственность. Не хотелось их на паркетной мастике, но что делать? Попасть в вагон надо было, а «Пятсот вольт» возьмел билет, но знакомое голое провозгласило:

— Я и пять летшек с собой мне даже билетом!
Мы амерки, окаящая крики, вопля эволю, зряма ручной гранаты. Но стараясь избежать путы, а пассажиры задревнели, стараясь рассмотреть. Ре же эти штеры, которые охоту без билетов.

«Пятсот вольт» задумчиво смотрел вперед, через головы пассажиров, с видом человека, который когда-то шутя изобрел эти самы трамвай и вот теперь долгие выслушивать обидные предложения приобрести билет от несостоятельного трамвайщика. Мы сели на свободные полки, а кем билет отдал, и стала продвигаться дальше, с удвоенной энергией отряхивая локтями, чтобы отгнать на «задних» заднее плашкоди.

В магазине Кабулов метался от привала к привалу, откладывал все, что попалось под руку. Продавец придвигался на счетах пополам, и каждый раз выходило, что агенту у Кабулова авершак. Часть пошук откладывалась в сторону, «Пятсот вольт» тлажко выдыхал, расстранивался и тут же снова спрашивал:

— А что это? — И, услышав ответ, загораюла: — Берем!
В конце концов привала Кабулова привала в ваза — сервировка от улыли фаянсовая афורה в метр высотой, бог веть как попанная а магазин учебных пособий, — стояла она на верхней полке, под самым потолком. Кабулов сам ее сина, провал напором по полноразным бокам, выдвинул карандашальный шпет, и сказала коротко и безапелляционно:

— Берем!
Напрасно продавец доказывал, что ваза не продается, и цены на нее нет, и что это инвентарная собственность магазина, и вообще, берите, что хотите, а то ничего не получите. И еще обзавал Кабулова купцом первой категории, вое что стилист, его ни стилист, ни мерцать актул:

— Мы нанесем на фанс фотографическим способом изображение нашей школы. Я видел такие штуки. Искусство!. Как это делается, где бы узнать? А?

Вазу мы все-таки получили, и я провела все на свете, и фотографиро, и искусство нанесения изображения на фансе, такая она была тяжелая и скользкая, а в трамвые Кабулов ехать не разрешали: болел, что в дажке конушт эти фаянсовые чуло.

Даже сейчас, когда бы ступила, я никак не могу взять в толки: чем он нас брал от Кабулова? Собственно, что такое «братя? Провизала, умело пленца, очарованья? Если оно это и делало, то получалось все у него само собой. Он никогда не соскочил, не кляд дружески руку на плечо, чтобы сказать «Ну, что же ты, братец, натурой!» и пожурить отгески. Многие люди, находясь к этому же или в институтах, учили навязчиво, что если кто-то не слушает, его не слушают, он не слушает.

— Мы нанесем на фанс фотографическим способом изображение нашей школы. Я видел такие штуки. Искусство!. Как это делается, где бы узнать? А?

Вазу мы все-таки получили, и я провела все на свете, и фотографиро, и искусство нанесения изображения на фансе, такая она была тяжелая и скользкая, а в трамвые Кабулов ехать не разрешали: болел, что в дажке конушт эти фаянсовые чуло.

Даже сейчас, когда бы ступила, я никак не могу взять в толки: чем он нас брал от Кабулова? Собственно, что такое «братя? Провизала, умело пленца, очарованья? Если оно это и делало, то получалось все у него само собой. Он никогда не соскочил, не кляд дружески руку на плечо, чтобы сказать «Ну, что же ты, братец, натурой!» и пожурить отгески. Многие люди, находясь к этому же или в институтах, учили навязчиво, что если кто-то не слушает, его не слушают, он не слушает.

Итак, и сам «Пятсот вольт» тоже. И в «контакте» он охочил со всеми сразу, ибо он вообще нас не различал, не знал ни по именам, ни кто из наших класса. И не выдала никого. Мы же в это время, вставая по порядку на возмездие, и нас, — разбереш вот эту штуку. Мы свили ее с немецкого талкиа. Натянула... — дистанционно управление. Там сопровозлания хороние, придгодится...

И тут же бросаса помогать другому наладить паяльник, или вставить кислоту, или еще что.

Наше научное исследование на первых порах носило чисто теоретический характер. Правда, фотографы уже получали первые негативы и печатали на дефицитной бумаге бледные фотографии — в основном портреты коллег и охватывали фотогеничной новизны тети Дуся. Радысты создавали усурь, стели шкоро сориссались от «Рау-Раух» — пластика была единственной, немонохромной, электрики изучали вместе пробок вставлять перья, и если вечером внезапно гас свет, они истинно орали:

Иногда ре в кончат!

И на правах спецнапцов иссчелли из класса, после чего лампочка начинала мигать, как морской маяк.

Мы любили нашего «Пятсот вольт» — хана» преданной любовью, его лаборатории, провода и лампочки, паяльники, натияники, воздух с притиранием усурь, стели шкоро сориссались от «Рау-Раух» — пластика была единственной, немонохромной, электрики изучали вместе пробок вставлять перья, и если вечером внезапно гас свет, они истинно орали:

Иногда ре в кончат!
И на правах спецнапцов иссчелли из класса, после чего лампочка начинала мигать, как морской маяк.

Мы любили нашего «Пятсот вольт» — хана» преданной любовью, его лаборатории, провода и лампочки, паяльники, натияники, воздух с притиранием усурь, стели шкоро сориссались от «Рау-Раух» — пластика была единственной, немонохромной, электрики изучали вместе пробок вставлять перья, и если вечером внезапно гас свет, они истинно орали:

Как-то озарил мое детство сильней своих вершин. Русские поэты — особенно Пушкин и Лермонтов — полагали же, что этот край нельзя не любить. Они услышали это чувство не мне одному — всем нам.

Нельзя я был в Осетии, в ее горах и селах, в ее ущельях. Но мной всюду влдла моя тетрадь. Когда я вернулся в Москву, то обнаружил, что она до края полна стихов, переводов, художественных зарисовок, рисунков. Целую стихотворную эту осетинскую тетрадь предлагаю читателям «Смены».

Чабан на фисе покинул стадо,
Чтоб на чамдыре¹ нам сыграть.
И спеть. Под вольночною шпалью
Висели острые усы.
Сядьте с промывкой и сыноу,
Он взял сыночек, на лук позовет,
И корневина рук его
Легли на струны. Об Анзоре
Он пел, и ненья прерывал
Чуть хриплым вздохом: — Боже,
Боже,

Мне песню помоги донести...
И продолжал. Старинный голос
Звучал востанувшись. Вокруг
Стояли горы, те же горы
Зеленые, а в складках — снег.
Старик донел, усы разглядил
И после паузы сказал:
— Я попросил жену, чтоб стадо
Постерегла... Спасибо вам
За то, что слушали. Спасибо.
И он, держа фандыр, пошел,
Улыбчивый и добрый старик.
Пошел. Кто знает, приведет ли
Его услышать снова... Давность
Связалась с нынешним... Фандыр
Запомню я и корневина
Огромных рук паща Лытик
Из Смидауау я запомню,
Как эту башню на горе,
Как эти в дымке предвечерья
Годогасящие горы...

¹ Музыкальный инструмент.

Вот бы знать, с кивкою целью
По Дарьельскому ущелью
Пробривается дымок.
Вот бы знать, зачем по склону —
Темно-бурым и зеленым —
Подымается вьюнок.
Вот бы знать, с какою вопросом
Босиком идет по росам
Молчаливый паренек.
Вот бы знать, — а я не знаю! —
Что ты думаешь, родина,
На пороге этих строк.

На препятствия на сету,
Омывая гор гряды,
Теплый ветер из Осетии
Попадает в Кабарду.

Попадает из Эльзотого
Прямо в Налыччи — напротив,
Но неустойчив полет его,
Приземления темен миг.

Ветер ушелся дальнего —
Как он травали пропал,
Былиам Кавказа дального,
Солью выметших рубах.

Он пропах близким «газина»,
Что взбуррает на Цей,
В этом ветре дышит пасака,
Камени горных крепостей.

Этот ветер, как дыхание,
В нем и ритм, и лад, и склад,
Он встречает солнце раньше,
Провожает он закат.

Ветер, ветер из Осетии
Ходит-бродит день-деньской.
А за ним и я последую
Сердцем, разумом, строной.

О Тауче

(Народная песня)

Ты красива, Тауче,
Ты правдива, Тауче,
Гордаята, Тауче,
Всяк на диво Тауче.

Благораевна Тауче,
Саверяна Тауче,
Словно павла Тауче,
Ходит павло Тауче.

Беллоцца Тауче,
Масторина Тауче,
Чаровница Тауче,
Кто сравнится с Тауче!

Тонкий волос — Тауче,
Звонкий волос — Тауче,
Черный волос — Тауче,
Мягкий волос — Тауче.

Кареглаза Тауче,
Остроглаза Тауче,
Блеск алмаза — Тауче,
Дочь Кавказа — Тауче.

Загляденье — Тауче,
Восхищение — Тауче,
Уоенье — Тауче,
Вне сравнения — Тауче!

О стикые срони,
Степенные срони
И — так, между делом, —
Раскожная слова.

Потом — сожаленье,
Потом — оправданье,
Что жизнь, как аггювенье,
Что жизнь, как давьне.

Но время есть время:
Оно не лукаво, —
Степенные срони,
Раскожная слова.

А дальше — сматенье,
А дальше — терзанье,
Что жизнь, как аггювенье,
Что жизнь, как давьне.

Снижника в туннель залетает,
Как искра кавказских высот,
И тает она и не тает,
И краток и долот полет.
Зато как отрадно в туннеле
Связь суарак увидеть вдаль
Осколок нагорной ители,
Летущую искру зельяк.

Как звенит этот воздух!
Блудый эти — живи.
Кованы эти завалом
Из моей серебрястой любви.

Из золотой отаги
Кована эти заре,
Как бульмают слычно овгарди
Как полон лес янтаря!

Как загоряются розы!
Кованы эти мими
Из поэзии и из прозы,
Из моей молодой поры.

Дальняя, близкая
Моя судьба,
Верхняя, Нижняя
Самба!¹
С каждой минуюто
Круче отрог.

Как расступают
Этот клубок!
С каждым мгновеньем
Отвесный гора.
Мое облюбованье —
Подходит, порал!
Песня еле слышная,
Узня торопа,
Верхняя, Нижняя
Самба.

¹ Селения в Осетии.

Как строи эти скалки!
Как илаи камень на камень!
Так ли, не так ли!
Руками, только руками,
Руками из подымали,
Руками скрепляли их.
Глыбы на синей змалю —
Работе для молодых,
Не строили их и старые,
Желтцини и мужики,
Усталые и неусталые,
Осетини-здоровики.
Нет их давно на свете,
А скалки стоят среди гор
Памятниками столетия,
Неразгаданы до сих пор.
Пришел я сюда надальна,
Говорю на другом языке,
Но есть во мне чувство потока,
Как будто вы — невдалеке,
Но есть во мне чувство

дьяма
Со всем, что творили скалки.
Здравствуйте, аупчане,
Незнакомые, дорогие!

Дорога в ущелье крута.
Там льнет к высоте высота.
Там слышится камениый звон.
Там бьет по камням Ардон!¹
И я говорю: расступись,
Степенная глыбам высь,
Высоко — это не спесь,
А горы, что проселя в песь,
А песня, что тинется в путь,
А путь... Про него не забудь!
Так будь же ты, путини, управа,
Как горечи, устойчив и прав.
Так будь же ты, гость этих гор,
Как горечи, застенчив и горд!

¹ Ардон — река.

Рисунок Владимира ДЕЛЫ

КУМИР БЫВАЕТ ТАКЖЕ

Размер семьи становится все меньше. Факт этот настолько очевиден, что нет нужды иллюстрировать его цифрами. Если в ближайшее время этот процесс не затормозится, мы приддем к тому, что поколение детей окажется меньше поколения родителей. (Эта опасность подстерегает в первую очередь ряд областей Российской Федерации.) Далеко не все молодые супруги понимают, что наличие в семье лишь одного ребенка неблагоприятно отразится на обществе, породив впоследствии неадекватные социальные и экономические выгоды.

Некоторые считают, что снижение рождаемости выгодно обществу, поскольку уменьшаются затраты государства, связанные с содержанием, лечением, воспитанием и обучением детей. Да и вообще, по их мнению, то внимание, которое в последние время уделяется этой проблеме преувеличено. Мол, пока прирост населения вполне достаточен (почти 9 человек на 1 000 жителей), а если произойдет его резкое уменьшение, тогда и будем думать, как изменить положение.

Подобные рассуждения представляются блуждательными. Нельзя исходить только из интересов нынешнего дня. Сегодняшняя выгода завтра может обернуться невосполнимым ущербом. Нынешние иждивенцы — это завтрашние кормильцы, и если сегодня мы работаем на детей, то завтра дети будут работать на нас. Поэтому необходимо, чтобы не было значительного разрыва между численностью вступающих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы.

Есть специалисты, полагающие, что проблему эту можно решить одним махом: компенсировать родителям расходы на детей.

Эта мера нужна, но она не может быть единственной. Дело в том, что в этом вопросе огромное значение имеет и общественное мнение об идеальном числе детей в семье. Мнение это складует у супругов определенный социально-психологический настрой, от которого в значительной степени зависит их решение, сколько иметь детей. К сожалению, пока общественное мнение скорее за малодетную семью. И вот результат: большинство молодых семей, как показала недавно проведенный нами опрос, уверено: достаточно иметь одного ребенка! Однако, мол, легче воспитывать, легче вырастить настоящим гражданином.

Как они ошибаются! С абсолютной уверенностью могут утверждать, что один ребенок в семье — это плохо и для самой семьи, и для ребенка, и для общества в целом.

Когда в семье растет один малыш, все внимание родителей сосредоточено только на нем. Вначале он слишком мал, не понимает, что его особое положение — результат того, что других детей просто нет. Его требования к окружающим возрастают, к себе — снижаются. Единственному ребенку часто свойственна переоценка своей личности, эгоизм: это иногда затрудняет общение со сверстниками. Крупный советский психиатр О. В. Керяжков предложил даже термин — кумир семьи.

Быть кумиром семьи, как правило, печальная привилегия. Педагоги, психологи, психиатры отмечают, что дети, выросшие в семье, где у них были братья и сестры, легче налаживают контакты с окружающими, более трезво оценивают свои возможности.

Ну, а родители? Психология тех, кто имеет одного ребенка, сильно отличается от психологии родителей, у которых несколько детей. Боязнь потерять своего единственного сопутствует им всю жизнь. С возрастом боязнь все увеличивается. Кстати, это субъективное ощущение тревоги роди-

ЭКОНОМЯ КОПЕЙКИ, ТЕРЯЕМ РУБЛИ

...И ПАПА ТОЖЕ

ЭТИ «ВЫГОДНЫЕ» СТУДЕНТЫ

Фото Нины СВИРИДОВОЙ

темой за жизнь и здоровье единственного ребенка имеет под собой и определенную объективную основу. Исследования медиков, генетиков, антропологов свидетельствуют о том, что первые дети, как правило, физически значительно слабее вторых и третьих, менее жизнестойки.

Бессспорно, вырастить и воспитать ребенка — нелегкое дело, особенно при условии, что мать работает. И все же ни с чем нельзя сравнить радость матери и отца, у которых дом полон ребятишек — здоровых, неизнеженных, умеющих заботиться друг о друге.

Г. КИСЕЛОВА,
кандидат экономических наук.

ПОЯВИЛИСЬ СТУДЕНТКА

Возможно, в совсем недалеком будущем большинство взрослого населения нашей страны окажется из «малоэтажных» и «большая» студентов. А значит, и рост населения и размеры семей — все это будет зависеть опять-таки от студентки.

Как же здесь обстоит дело сейчас, и каковы перспективы на дальнейшее?

Первое и, вероятно, самое существенное, что должно вызвать беспокойство, — это длительный процесс социального становления современного человека.

В последнее время стало привычным, что не все окончившие среднюю школу сразу поступают в институт. Одни хотят сначала поработать на производстве, другие идут служить в армию. Но даже при самом оптимальном варианте «школы — вуза» высшее образование можно получить лишь в двадцать два года. А значит, только годам к 25 приобрести опыт, стать полноценным специалистом.

Рано это или поздно? Думаю, что поздно. И не только потому, что социальная доля наиболее продуктивного в творческом отношении возраста расходуется на «пасивное» накопление знаний. Столь медленное социальное становление человека превращается в весьма существенную помеху для своевременного формирования семьи.

В 1969 году Минский медицинский институт окончил 262 студентки. Средний их возраст при окончании школы — 17 лет 5 месяцев. Но большинство по разным обстоятельствам не сумели сразу поступить в институт. Образовался разрыв в 3—4 года. Вот почему средний возраст девушек-первокурсниц оказался равным 20 годам и 10 месяцам.

Естественно предположить, что девушка, которая стремилась получить высшее образование, вряд ли решится на замужество до поступления в институт. И действительно, как показал анализ, к этому моменту только каждая девятая из них состояла в браке. К окончанию же института в браке состояло уже 127 студенток. Средний возраст при вступлении в брак практически оптимальный — 23 года и 9 месяцев (биологи даже считают это верхней границей оптимальности). Ну, а как же обстоят дела с рождением ребенка? Из 127 замужних студенток 53 имели к моменту завершения учебы по одному и только три — по два ребенка.

Что же дальше? 135 одиноких женщин-врачей в возрасте 27 лет (средний возраст выпускниц) направляются на работу в незнакомые места, где условия труда и быта иногда менее благоприятны, чем во время учебы. Новые встречи, новые люди... К ним надо привыкнуть. На это идут годы. Немногие решаются в период адаптации сразу же устраивать семейную жизнь. Так и 27 годов набегает еще два-три... Женщины уже под 30. Жизнь показывает, что в таком возрасте найти мужа-ро-

веснина трудно; как правило, он старше на 5—10 лет. С биологической точки зрения это далеко не блестящая пара для рождения первого ребенка, если вообще люди в таком возрасте решаются его иметь.

Столь грустные размышления, разумеется, не претендуют на абсолютное обобщение. Мы немало встречали примеры, прямо противоречащие сказанному. Однако закрывать глаза на реальность фактов тем не менее не стоит.

..Итак, будем полагать, что все 153 женщины, не вступившие в брак во время обучения в институте, все-таки к 28—30 годам становятся вынужденными замуж. При самой пылкой любви к детям каждая из этих семей в большинстве своем обречена иметь одного ребенка.

А сколько детей могут иметь выпускники, вступившие в брак еще во время учебы? Надо полагать, тоже не очень много. Рождение второго ребенка по окончании института в большинстве случаев откладывается еще минимум на два-три года. Опять появляются объективные причины: новое место работы, обзаведение жильем, определенные материальные трудности, своеобразие периода становления...

Такая разрывка между первым ребенком и желаемым вторым разрыв 6—7 лет. На счету выплывает житейское соображение: стоит ли между второго при той возрастной разнице между детьми и при своем уже солидном возрасте выносить лиф К тому же это опять пеленки... Только-только раскраспились!.. Нет, лучше уж не надо!

Нас все давно тревожит сокращение рождаемости. Однако, обсуждая эту проблему, мы редко обращаем внимание на такой потенциал, как молодежь студенческая семья! А ведь именно в студенческие годы создаются наиболее благоприятные условия для общения молодых людей друг с другом, для формирования искренне любящих супружеских пар!

К сожалению, студенческие семьи мало. Но мало не потому, что молодые люди не хотят еще в этом возрасте вступать в брак, а потому, что образование и создание семьи достаточно прочно формируются уже на третьем-четвертом курсах. Одним из препятствий в создании студенческой семьи является непрерывное обучение, продолжительность обучения в вузах. В медицинских институтах сейчас введено семилетнее обучение. Правда, седьмой год формально не ограничивается рамками института, но все же создает своеобразные психологические барьеры. Выпускники и медицинском институте позволяет мне с достаточной уверенностью говорить о возможности сокращения сроков обучения в той или иной мере на год-полтора, однако это проблема требует самостоятельного обсуждения.)

Но даже такой срок обучения не был бы существенной помехой для создания студенческих семей, будь у них хоть какое-то подпольное жилье. Супруги порой вынуждены жить не только в разных комнатах, но и в разных общежитиях. Да и материальное положение этих семей не блестящее. Между тем в большинстве вузов работа студентов на производстве не поощряется, к ней относятся как к досадному обстоятельству.

Мне кажется несостоятельным мнение о том, что семейные и работающие студенты учатся хуже холостых и неработающих. Опыт подтверждает обратное. Как правило, люди семейные более ответственно относятся к учебе. В пользу студенческих семей к тому же наблюдение: супруги с большой охотой, чем один студент, работают по месту назначения и дольше задерживаются там.

Со всех точек зрения обществу «выгодны» студенческие семьи. Но для них необходимо создать определенные удобства. Высшие учебные заведения могли бы иметь благоустроенные общежития для семейных студентов, детские ясли и сады, интернаты с полным бесплатным содержанием детей студентов. Возможно, следует подумать и о приписке к стипендии студентам, которые имеют детей.

Разумеется, все это решить не так легко и просто. Но если мы хотим иметь счастливые семьи, здоровых детей и родителей, то обязаны всеми силами и средствами способствовать созданию семей в возрасте, наиболее благоприятном для вступления в брак и рождения ребенка. Экономия копейки, мы в перспективе теряем рубль, не считая моральных и социальных потерь, а их тоже не сбросишь со счетов.

Согласится, совсем не так уж будет плохо, если, знакомясь с вами, веселый, красноречивый паренужка скажет: «Моя мама студентка, а папа тоже!»

А. ЛОГИНОВ,

профессор, доктор биологических наук

ПРОБЛЕМЫ

Владимир ИВАНОВ,
заведующий отделом
комсомольских органов ЦК ВЛКСМ

О самом важном поведении объявляют комсомолцы свой Всесоюзный съезд. Так было и в майские дни этого года, после XXIV съезда КПСС, который наметил грандиозные перспективы развития нашей страны, зарыл все советские люди активной творческой энергией, страстным желанием работать и работать, как можно скорее превратить планы в реальность.

Это желание нашло свое отражение во Всесоюзном комсомольском собрании, посвященном партийному съезду. Где бы ни проходило оно — среди молодых нефтяников Сибири, шахтеров Донбасса, молодых ученых Прибалтики, работников сферы обслуживания Киева... — повестка для собрания была одна: «Об итогах XXIV съезда КПСС и задачах комсомольских организаций по выполнению его решений».

В собрании приняли участие все первичные комсомольские организации страны. Интерес к собранию был чрезвычайно велик: свыше сорока шести миллионов участников! Свыше четырех миллионов выступили!

На собрание пришли единомышленники, единые преданье себе в своей беззаветной преданности Коммунистической партии. Прислыли энергичные, неравнодушные люди, воспринявшие исторические решения XXIV съезда нашей партии как событие личной жизни и готовые отдать все свои силы и знания для претворения их в действительность. Атмосферу собрания отличала подлинная принципиальность, высокая требовательность комсомольцев к себе. Глубокое понимание материалов партийного съезда, задач новой пятилетки соединилось у каждого со стремлением уяснить для себя тот вклад, который может внести в общее дело нацели комсомольская организация, каждый член ВЛКСМ.

Деловой тон съезда является эталоном для комсомольцев — ему стремились следовать все участники Всесоюзного собрания. Об этом говорит и характер телеграмм, писем, которые поступали в дни собрания в ЦК ВЛКСМ. Вот одна из тысяч таких телеграмм:

«Комсомольцы, молодежь удачной республи-

канской стройки Углеродной ГРЭС с года проведения Всесоюзного комсомольского собрания стали на тридцать кату. В тепло пункты отсылаю 17 тысяч кубометров камня — 210 процентов плана. Комсомольско-молодежные экипажи авторанспортников выполнили производственное задание на 183 процента, комсомольско-молодежная бригада кровельщиков — на 190 процентов. Горчо поддерживаем почин передовых коллективов страны, развуривших соревнование «Пятилетка — ударный труд, мастерство и поиск молодежи». Уверены: задачи, поставленные XXIV съездом КПСС, будут выполнены досрочно.

Эта телеграмма, как и все другие, примечательна во многих отношениях. Она точно передает тот высокий трудовой настрой, с каким работает удволенная документными партийного съезда молодежь. Она демонстрирует также решимость комсомольцев не снимать этого темпа и задержать пятилетку досрочно.

Иллюстрацией этого может служить и тот факт, что в дни собрания в разных концах нашей страны по инициативе рядовых комсомольцев родились починки, которые сегодня подхвачены миллионами юношей и девушек. Вот наиболее важные из них.

Молодые труженики завода «Брасно Сормо», строители треста «Безгостар» Амурской области решили выполнить девятую пятилетку по производительности труда за 350 дней, а пятидесятилетие присвоения комсомольского имени К. И. Ленина.

Комсомольско-молодежные бригады моторного цеха № 1 Владимирского тракторного завода включились в движение передовых коллективов области «Комсомольский год — 10 месяцев».

Всесоюзное собрание единодушно поддержало патристическое движение молодежи «Пятилетка — ударный труд, мастерство и поиск молодежи», инициативу трудящихся Москвы о досрочном выполнении плана первого года пятилетия, почин ленинградцев «Задачи пятиденки — за четыре дня!». Юноши и девушки Углеродной, Ленинградской, Казанской, Иркутской град решили превратить каждый рабочий день пятилетки в день ударного труда и отличной работы. В комсомольских организациях Уг-

ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Комсомольско-молодежная бригада слесарей-сборщиков механосборочного цеха машиностроительного завода имени Петровского, которой руководит коммунист А. Хитров, взяла обязательство выполнить пятилетку в 4 года.

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

«1 мая и 7 ноября водить поезд на сношение топлива» — так решили комсомолцы Буйского локомотивного депо. Бригада объявляет: «В течение 4 года производим и раста провозка топлива» — обязалась за счет пятилетки в 3 года и 6 месяцев.

МОСКВА

Молодая швея производственного объединения «Именная мода» А. Назарцева — победительница городского конкурса на знание «Искусства молодой швеи 1968 года» — обязалась за счет пятилетки в 3 года и 6 месяцев.

ЧИМКЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В ответ на решение IV пленума ЦК ВЛКСМ новоселье чимкентцев № 36 Чимкентского нововели: лучшие выпускники вручать путевки на ударные стройки девятой пятилетки.

риции набирает силу движение «Сегодня — рубль новатора, завтра — комсомольская норма».

Конечно, эти серьезные начинания родились не вдруг, а после основательных раздумий, в результате глубокого и всестороннего обсуждения. Принимая высокие обязательства, комсомольцы тщательно взвесили возможности, мобилизовав для этого все свои технические и экономические знания. И вот один из итогов Всесоюзного комсомольского совещания: обязательства в новой пятлетке приняты не только каждой организацией, но и почти каждым членом ВЛКСМ персонально.

На Пермском комбинате шелковых тканей девяти решили бороться за увеличение числа обслуживаемых машин. В красильном цехе каждая комсомолка обязалась обслуживать 4 роликовых агрегатов вместо 4, а прядильщики будут обслуживать 4 станка вместо 3 и шестичасовое сменное задание выполнять за 5 часов. Фрезеровщица Уралмашзавода, комсорг модельного цеха П. Ескара, модельщица Л. Коротков, В. Блинов и другие обязались увеличить производительность труда на своих рабочих местах на 50 процентов.

Эти обязательства, давая взятые отдельно, выглядят внушительно. А теперь представьте себе, что это лишь миллионная доля комсомольского вклада в пятлетку!

Шесть выпускников получили путевки на республиканскую комсомольскую школу — завод фосфорных солей.

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Для семи комсомольско-молодежных экипажей ордена Ленина Управления тралового и рефрижераторного флота Камчатобортовой дельсборной стал праздником двойной: они разпортивали Родине о досрочном выполнении задания первого года девяти пятилетки.

МОЛДАВСКАЯ ССР

Участники Всесоюзного комсомольского собрания на Тираспольской швейной фабрике имени 40-летия ВЛКСМ разпортивали 200 молодых работниц трудиться в счет 1973 года, 70 — в счет 1973 года. 12 комсомольско-молодежных бригад поддерживают почин члена ЦК ВЛКСМ Молдавии Героя Социалистического Труда Евдетины Фирсовой, выполняющей норму за шесть с половиной часов.

ГУЗИНСКАЯ ССР

Молодые рабочие батумских химического и кожевенного заводов решили провести три субботника. Деньги, полученные от двух субботников будут перечислены в фонд пятилетки, а от третьего — в фонд борющегося Вьетнама.

Всесоюзное собрание не упустило из поля зрения ни одного актуального вопроса развития хозяйства нашей страны, в том числе и вопросов дальнейшего развития животноводства, легкой и пищевой промышленности, сферы обслуживания и шефства над ними Ленинского комсомола. Комсомольцы и молодежь Ижевска, например, наметили конкретные планы такого шефства под лозунгом, прозвучавшим на IV пленуме ЦК ВЛКСМ: «Легкой и пищевой промышленности, сфере обслуживания — комсомольскую заботу!».

Всесоюзное комсомольское собрание космическую молодежь. В итоге — не только высокие цифры обязательств. Смысл собрания шире — оно как бы затронуло внутренний мир юношей и девушек, заставило каждого задуматься о месте в жизни, о том, в полную ли меру сил он трудится. Это неминуемо повело за собой изменения в деятельности комсомольских организаций — они стали работать энергичней, деловитей, вырос их авторитет. Только в дни собрания тысячи юношей и девушек вступили в ряды Ленинского комсомола.

Высокий политический настрой Всесоюзному комсомольскому собранию придало участие в нем делегатов XIV съезда КПСС, ветеранов партии и комсомола, передовиков труда, партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных руководителей.

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Члены комсомольско-молодежной бригады имени XIV съезда КПСС Калужского ордена Трудового Красного Знамени электромеханического завода приняли решение немедленно выполнять производственные нормы за своих товарищей, находящийся на службе в рядах Советской Армии.

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

«Каждый комсомолец — новатор на своем рабочем месте!» — под таким девизом решили вести организацию комсомольцев металлургического цеха № 1 Кузнецкого металлургического комбината.

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

По инициативе комсомольской организации завода «Красное Сормово» в области развернулось движение, целью которого является пятилетку и 12 июля 1974 года — 50-летию присвоения комсомолу имени Ленина.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

В пригатовленном цехе фабрики имени Войкова города Муромца две комсомольско-молодежные бригады поддерживали почин Комсомольский год — 10 месяцев! и заключили между собой договор о соревновании.

В ответ на призыв ЦК ВЛКСМ к кадровым рабочим, ветеранам труда Героя Социалистического Труда В. И. Гаганова и первый ударник коммунистического труда города Вышний Волочек А. И. Гавришева возглавили первые молодежные школы по изучению передовых приемов и методов труда. Цель этих школ — довести производительность труда молодых рабочих до уровня передовиков.

Выражением чужести участников Всесоюзного собрания, воспринявших решения съезда как боевую программу своей деятельности, явились письма в адрес Центрального Комитета КПСС, в которых комсомольцы и молодежь единодушно, целиком и полностью одобрили политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС, заверили родную партию в своей готовности отдать все силы, знания и энергию на досрочное выполнение вечнозеленых планов партии и народа, внести достойный вклад в выполнение главной задачи пятилетия: обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и производительности труда.

Всесоюзное комсомольское собрание явилось ярчайшей демонстрацией верности молодого поколения заветам Владимира Ильича Ленина, делу Коммунистической партии.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Ангарске начат соревнование комсомольско-молодежных коллективов за орденом Знания имени 50-летия образования СССР. Первые участники — комсомольские организации СМУ-2, СМУ-5 и СМУ-8.

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Воспитанники Шумиханского ГПУ Л. Хранцова призвала выпускников своего техникума с 4-м разрядом, то есть учиться только на «отлично». Ижевская группа единодушно поддержала это предложение.

«Молодые рабочие комбината в ходе Ленинского зачета выпустили свет за 12 часов, норма, 78,5 тонны шпала, 17,6 тонны штапельного вельса. Впервые 82 распределителя с экономическим эффектом 5 200 рублей. Собрано и сдано 200 тонн металлолома, отработано на субботниках в воскресенье 12 тысяч человеко-часов. Каждый третий молодой рабочий ударник коммунистического движения. Девизом всех комсомольцев стали слова: «Первый год девяти пятилетки — досрочно!»

Завершил Ленинский Центральный Комитет, Коммунистическую партию, что молодежь комбината отдает все силы, знания для выполнения решений XIV съезда КПСС».

(Штатными комсомольцами и молодежью ордена Ленина Калужского комбината зам. волонтера.)

НАСИЛИЕ

КОНОСТЬ ОБЛЯЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

«Оптимизм и стремление к справедливости, горячее желание быть участником в решении актуальных вопросов настоящего и будущего больше, чем когда-либо, советские и молодые именно нашего времени. Для ее значительной части характерен гнев бейрутского Оука, который не позволяет ей мириться с эксплуатацией и преступлениями империалистов. Она обличает и отвергает эту злую социальную и несравнимую систему».

[Из Программного заявления ВФДМ, принятого восьмой общенародной ассамблеей федерации в ноябре 1970 года.]

Толстенный, килограмма на четыре весом, американский толковый словарь Уэбстера лаконичен и краток, как молния: «гангстер — некто из подлинной дуплиной или веровой; Французский «Ларусс» тоже ирразговорлив: «гангстеризм — действие, поведение, присущее гангстерам; бандитизм». Эти традиционные плаidez преступности по преимуществу пытаются изобразить социально опасное явление, рожденное на почве империализма, проникшее и в экономику и в политику капиталистического мира как нечто поустороннее, находящееся за пределами повседневной человеческой жизни. Но сегодня на Западе уже не только не молчат о гангстеризме — о нем кричат во весь голос.

Организованная преступность, которая в «революционные» двадцатые годы пробивалась себе в США дорогу палками и резней на улицах Нью-Йорка и Чикаго, накануне войны и после нее уже делала крупный политический бизнес: в 1934 году Гарри Трумен был избран в сенат с помощью всеильного босса миссурийской мафии Тома Пендергаста, а через десять лет при поддержке того же гангстера стал вице-президентом США. Под занавес удавшегося 1970 года журнал «Таймс» публикует карту Соединенных Штатов, которая опутана шпальдами спрута — мафии. Итальянский журнал «Эпока» сообщает, что только в провинции Ломбардия с 1 января по 18 марта этого года совершено 66 нападений на банки. Генеральным

самой надежной вочной всеильной преступности: каждый месяц 31 убийство, 1 163 грабежа, 2 246 похищений со взломом, 1 000 автомобильных краж. С 1961 по 1969 год 200 жителей Вашингтона погибли во Вьетнаме. За то же время в самом городе насильственная смерть наступила 1 400 человек.

стает винтовку, заряжает ее и укреплает под крышей автомобиля, как раз над нашими головами, потом долаживает по радио об отъезде — и с того мгновения мы все время слышим голос демуристого диспетчера.

бензоколонии, Грив выстрелил первыми.

— Ну, а потом! — спрашивает сержант Кин.

— Потом я выстрелил. Точнее, чем он.

— У вас всегда при себе оружие?

— Вы меня, никак, разозриваете, приятель! — улыбается служащий. — Конечно, моя пушечка всегда со мной!

Подъезжает «скорая помощь».

Впрочем, Эрл Грив вряд ли выживет. Мы вновь садимся в патрульную машину № 124, и сержант возобновляет

Рольф ВИНТЕР

СТРАНА НАСИЛИЯ

Вашингтон, округ Колумбия. Столица Соединенных Штатов. Шесть часов вечера. Офисы закрыты, большинство магазинов — тоже. Улицы и автострады полны машин. Медленно умарает город, в котором, кроме президента страны, могут жить лишь те, у кого нет дома в предместье. Ибо этот город с населением в 800 тысяч человек, столица мировой державы, является едва ли не

«В столице стало невозможно жить, это уж точно» — сказал мне по пути из аэропорта в отель танкис-метр. Он остановился возле почтового ящика и опустил письмо. — Всякий раз, когда я набираю десять долларов, в осмысленно их в конверте домой. Ведь на меня уже трижды нападали...»

В семь вечера меня ждет сержант Кин из четвертого полицейского участка. В его патрульной машине мне предстоит провести ночь. Он до-

ра: ограбление на Коннектикут-авеню, перестрелка на 18-й улице, вооруженное нападение в университете, ограбление на Парк-роуд... И снова: «Патруль 124! Патруль 124! Перестрелка на 14-й улице, у бензоколонии ЭССО». —

Возле бензоколонии лежат раненый. Мегр Эрл Грив. Рана в живот, стеклянные глаза, много крови, смешанной с автомобильным маслом, целая лужа. Как утверждает служащий

ет разговор на том месте, на котором произошел его обстрел; он рассуждает о том, какую машину ему лучше купить. Ни слова о раненом. Сержант привыл и смертам. Злобные взгляды из других машин, злобные реплики от дверей баров.

— Полиция здесь, видно, не очень то почитают! — говорю я.

— Привыкнешь, — отвечает Кин. — Все равно как солдат во вражеской стране.

Ограбление на Капормани-стрит. Женщина стоит одна на улице, дрожит. Трое угрожая револьверами, отобрали деньги. Описать грабителей старуха не хочет: боится мести.

— Полиция здесь, видно, не очень то доверяют! — говорю Кину.

— Да ведь каждый знает, что пре-

УТЕРЯННО

прокурор Доменико Рикомано выступает в Милане с заявлением об эскалации преступлений в Италии: «В городах плодотворности и аморальности, терроризм обострен». Итальянская полиция усиливает меры предосторожности, власти призывают граждан и бдительности, однако, поджигают «Эпоку», «все это ни к чему не приведет, фашизм продлится». Аналогичные сообщения идут из Франции и ФРГ. Помните как Англия была порграна грабиджонми на масштабах и наглости ограбления почтового поезда... Можно не продолжать!

Все естественно и закономерно. Общество, основанное на беззаконии, насилии и лицемерии, общество, преступное по своей сути, не может не

порождать ежедневно новую преступность, не может по-настоящему и бороться с ней. Если журнал «Тайм» изображает в виде спрута голый Фирцу «Боза» ностра, то это лишь потому, что гангстерский синдикат ведет свой экономический бизнес «не совсем по правилам», луская в ход нож, пистолет, наркотики, фальшивый документ. Италия бы, у американского супершерифа Джона Мичелла, министра юстиции в страхе, где преступность растет вдесятеро быстрее, чем население, где в одном только Нью-Йорке зарегистрировано 100 тысяч школьничков-наркоманов — обширное поле деятельности. Не для Джона Мичелла и правопорядка, который он охраняет, куда опаснее студенческие демонстрации в Чикаго, за

работче забастовки и антивоенные марши ветеранов на Вашингтон. И потому тюрьмы Америки переполнены теми, кто протестует против преступного порядка вещей, а настоящие преступники разгуливают на свободе.

В этом номере «Сменим мы открываем очередную страницу нашего досье на главного преступника XX века — империализм».

Предложенные читателю материалы написаны буржуазными журналистами. Они вскрывают олухолю, понимаю, что она злокачественна, и отступают, не решаясь поставить общин диагноз. И все же их свидетельства должны быть подшиты к делу, которое рано или поздно будет слушаться.

треде учеников, обилие его бензином и подожгли. В течение трех недель это был уже четырнадцатый случай в городе, когда школьник покушался на убийство своего преподавателя. Школьный инспектор Чарльз Мерритт из Ист-Сен-Луиса (Иллинойс) заявил, что трое из кампачей через учителя в этом городе приходят на уроки не только с учебными пособиями, но и с оружием. «Что может поставить им это в вину!» — воскликнул инспектор.

Никто, разумеется. Ведь в Чикаго ежегодно совершается до тысячи преступных нападений школьничков на учителей. В Филадельфии за год более ста учителей вынуждены прибегать к врачебной помощи после того, как учащиеся избивают их, наносят ножевые или огнестрельные раны.

В Сан-Франциско число таких пострадавших достигает двукрат.

Вандализм в американских школах вырывается и в разрушения имущества: ежегодные убытки лишь приблизительно оцениваются в 100 миллионов долларов.

Этот вандализм не может не расти. Стрельба, избития, поножовщина, убийства стали столь же характерными для Америки, как и знаменитый яблочный пирог. Вкус к насилию развивается в головах американцев уже с малых лет. Месяц спустя после убийства Роберта Кеннеди, когда многие в потрясенной Америке призывали и братству и нежности нравов, лишь за неделю после-американским детям было предложено посмотреть по телевидению 452 убийства, 390 покушения на убийство, сотни иных пре-

ВОЛНИТЕЛЬСКИЙ ГАНГСТЕРИЗМ В США ЗАВИСИТ НА СВОИ СЧЕТ ОЧЕРЕДНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЧЕРЕЗ НЕКОТОРЫЕ МГНОВЕНИЯ СЕ НАТОР РОБЕРТ КЕННЕДИ БУДЕТ МЕРТВ

ступлений контролирует город! — отвечает он. — Мы только регистрируем...

И он рассказывает мне об одной оборонительной акции жителей Блюмингтона: после двух лет гангстерского террора они установили на крышах домов 60 прожекторов, превратили ночь в день и все-таки слогали бандитов от своих улиц. И он рассказывает мне о церкви «Метрополитен» черн, что в пяти кварталах от Белого дома, где встала в толпе новоящихся вооруженный полицейский, ибо призрачно опасаются за сохранность пошертованки.

Ночью много: одно убийство, два покушения, 34 крупных грабежа, десятки взломов, перестрелки, нападения на улицах — в общем, на четвертом полицейском участке никаких особых происшествий...

— Что происходит с Вашингтоном! — спрашиваю я сержанта Кина. — Что происходит с Вашингтоном! — переспрашивает он. — То же, что и во всей стране. Слишком много насилия. Слишком много оружия

в слишком многих руках. Порядок идет по всем чертам. А будет еще хуже.

Да, он прав. То же самое мог бы повторить 46-летний Мартин Могонсен, директор средней школы в городке Тома (Висконсин), если бы остался в живых: после уроков он пошел в здание школы и едва успев попрощаться с учителями, упал мертвым. Двумя выстрелами в сердце его убил 13-летний школьник.

В нью-йоркской школе имени Франклина Делна к учителю подошли

ступлений. Социолог Герберт Орт подсчитал, что американский ребенок за девять лет своей жизни (от 6 до 15 лет) в среднем наблюдает по телевизору около 13 тысяч убийств.

Насколько распространены не только на телеэкране, но и в спорте. Я видел несколько женских соревнований под названием «роллер скейтинга» или «кованые на роликах». Коньки сбиваются на трассе, участники бьют друг друга, швыряют наземь. А публика кричит, я видел некое состязание под названием «кар кар» демонами чемпионок». Тридцать автомашин спускаются на полной скорости, бывает, что водители оказываются под колесами, бьются, что не вылезая из горящего автомобиля. А трибуны полны, зрители наслаждаются.

И после двадцати выходов. Ежегодно 20 тысяч американичек погибает на

сильнейшей смертностью, а всего в XXI веке в США таким образом было убито 800 тысяч человек — на 250 тысяч больше, чем Америка потеряла во всех войнах, начиная с войны между Севером и Югом в 1861—1865 годах. В стране, где многие уже забыли имя астронавта, первым ступившего на лунную поверхность, но помянутый в Библии, мимолетно всех знаменитых звезд, — в этой стране каждую минуту совершается преступление.

Ричард Никсон пришел в Белый дом как победитель закона и порядка. За время его правления выросли все цифры, характеризующие преступность в стране. Снизилась лишь одна: средний возраст правонарушителей. Сегодняшняя четверть преступлений в Америке совершают подростки моложе 15 лет.

(Сокращенный перевод из журнала «Штеин», ФРГ)

НАДЕЯСЬИ ПОЛУЧЕНИЕ В АМЕРИКЕ ЭТИМИ ДВУМЯ ГАНСТЕР-РАЙМ — АЛЬ КАПОНЕ И ВИНО ДЕНОВИЧЕ. СПОРИТ С ИЗВЕСТНЫМИ АСТРОНАВТАМИ, ВЫСАДИВШИХСЯ НА ЛУНУ.

Стефан ГРУЭФФ, Доминик ЛАЙБЕР

НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ ПРАВИЛЬНЫХ ОТВЕТОВ

Это рассказ об одной из крупнейших фирм, утвердившихся в Союзных Штатах в начале нашего века. Какими акциями она владеет? Легче сказать о тех, которые у нее нет.

Ее годовые доходы оцениваются приблизительно в 50 миллиардов долларов. Это больше, чем ежегодные прибыли таких гигантских концернов, как «Дженерал моторс», «Стандард ойл», «Форд», «Крайслер», «Дэ-Виз-Эл», вместе взятых.

Фирма принадлежит лезвю и самолету, рубрики и заводы электрической аппаратуры, но контрольный пакет акций — в подпольном бизнесе: в широчайших объемах, производстве наркотиков, машинах на шпвороте и боеспособных ружьях.

Основатели фирмы были родом из Сицилии. Поэтому до сих пор корпорация именуется только по-итальянски: или «Унион сицилиана» («Сицилианский союз»), или «Кола ностра» («Наше дело»), или таинственным словом «Морфия».

Здесь царит «омерта», что значит «закон молчания», ибо тот, кто не молчит, должен умереть. А в остальном...

«...Большая карьера в мире преступности строится на тех же прочих реальных факторах, которые приводят к успеху и в мире финансов или промышленности. Никогда враг американский бизнес не обладает большей мобильностью, чем бизнес преступности». Французский бруссельский публицист Раймон Картье, написавший эти строки, откровенно до цинизма в своем изображении загнивающего мира — необходимой составной части мира капиталистического: «Современные гангстеры осторожны и предусмотрительны. Никогда они позволяют себе обходиться без охраны, так как живут под защитой целого сонма адвокатов. Они понимают, что в глазах

Дворном шверном, который следует за скромным потребным фугоном, где поочередно остаются Альберта Анастасия, плечет человек. Для Тома Анастасия введет знаменитая смерть Альберта — полая трагедия. Альберт был для него больше чем братом. Он был покровителем, оставившим ему в наследство все виды ризета в нью-йоркском порту, где 40 тысяч доверков называют Тома «Неустранимым». Однако в это утро неустранимый коллет как последний трус: он безостановочно оглаивается, дабы убедить, что полицейский «дождь» следует за его машиной. Никогда прежде, даже в самые опасные моменты своей бурной карьеры, Тома не соглашался принять помощь от полиции. А на этот раз он не только ее принял, но и подбодрял полицейского комиссара, так как недавно получил из городских дружин отряд из воров нью-йоркского порта и фразой: «Следующим будешь ты!»

Гигантская зубчатка пирсов, двести глубоководных пристаней, огромные рейды, каждый из которых обширнее большинства европейских портов, две железнодорожные линии, множество бассейнов и верфей, бесчисленные братовские конторы, банки, страховые компании — самый большой порт в мире, королевство «Неустранимого Тома». Оно монополизировало треть всего американского морского транспорта.

Во все времена в нью-йоркском порту царил бандитизм, коррупция, преступность, одолевали дела доков, торговцы мужчинами и женщинами,

контрабандисты и ростовщики, наемные убийцы и гангстерские кланы — вот постоянные действующие лица на этой территории, где на одном квадратном метре совершается столько убийств, как нигде в мире. Не отстал от традиции и профессия доверков ИЛА. Сделавшись пристанищем организованного бандитизма, ИЛА дал ему возможность так прочно пустить корни, что порт представляет теперь опасность не только для Нью-Йорка, но и для всей страны.

Как только не пытались власти справиться с этим позором! Еще в 1952 году, став губернатором штата Нью-Йорк, Томас Дьюн добивается кредита в миллионы долларов и создание специальной комиссии по расследованию преступлений в нью-йоркском порту. Удастся установить, что большинство нанятых доверков, портowych смотрителей, служащих профессора ИЛА — выходцы из торжым Синг-Синг [многие из них в свое время были приговорены к смерти, но затем помилованы и освобождены]. Гребей в порту принята такой радостью, приравнено стало столь организованным, что страховые компании требуются 15-процентной надбавкой к стоимости всех грузов, следовавших транзитом через Нью-Йорк.

В результате расследования выявились и весьма любопытная позиция, занимаемая директорами навигационных, транзитных и фрахтовых компаний. Да, они признали, что дают взятки портowym заправкам. Да, они признали, что нанимают для охраны доков бывших заключенных, хотя прекрасно знают, что те грабят их по призыву

гангстеров. В присутствии пяти членов упомянутой комиссии и два журналиста, собравшихся в здании верховного суда штата Нью-Йорк, президент «Дивария корпорейшн» [самая крупная фирма в США, занимающаяся портужной и разгрузочной судовой сообщью, что за пять лет истратил на взятки 40 тысяч долларов.

Однако далеко не все объяснялось бесилием и страхом, о чем твердили перед комиссией Дьюн директора компаний, Ваксинского, что нанятые доверки не могли действовать рука об руку с гангстерами, за высокую плату используя последних в качестве штренабратеров и «блудных друзей порадья». Вот как выглядел условия труда в том порту.

В 745 официальные представители профессора [нередко бывшие обитатели Синг-Синга] появляются на набережных, чтобы составить бригады из доверков-поленщиков, «Группа Дюк», «Группа Рэйл», «Группа Билла» — в ответ на эти призывы нанятые собираются толпа в несколько сот человек, жаждущих работы хоть на несколько часов работы, а затем, зная, что статистика американской статистике, процент утрат и смертельных случаев самый высокий. В каждую бригаду берут 18 человек вместо 22, предусотрянных профсоюзным кодексом. Зарплата метрех доверков-приравнов — дань, зная, что профсоюз-гангстером. Кроме того, счастливые избранные вносят так называемый «кик-бэк» в размере трех, пяти, а то и десяти долларов — взятку за право работы и ни работа ни нет, обязаны соблюдать множество

неписанных законов, например, заранее оплачивать стриптиз у профсоюзного парикмахера, посылать только те магазины и бары, которые принадлежат портовым боссам.

Теоретически наименьше — это профсоюзные служащие. Практически — уголовники, агенты всемогущего профсоюза-гангстера. Они обладают здесь почти абсолютной властью. Могут даже угрожать посылать «мне-баю» давать работу и лишать ее по своему усмотрению, контролировать выдачу профсоюзных билетов, даже объявлять забастовки. Когда «Дикарка корпорация» осмелилась как-то раз отказаться от услуг рэкетьера Тони Анастасио [того самого «Неустрашимого»], она тут же была парализована всеобщей забастовкой. Жалоба, поданная ею президенту профсоюза-спутника покровителем Дино Райату, не имела последствий, и могущественное криминалистическое предприятие вынуждено было пойти на поклон к «Неустрашимому Тони».

Комиссия Томаса Дьюи установила, что в каких-либо материальных условиях живут нью-йоркские докеры. Номинально их часовой заработок удовлетворителен — 2 доллара 47 центов, а на особо оживших работах — 4 доллара 43 центов. Но 70 процентов докера занятых меньше 24 часов в неделю, и две трети из них получают в год меньше, чем начинающая секретарша. Естественно, что им приходится занимать деньги у гангстеров-ростовщиков.

Не всегда легко разгадать преступные мотивы, которыми руководствуются профсоюзные гангстеры и которые приводят к убийствам в порту. Жестокое наказание и казни поручаются здесь специалистам своего дела, а они умеют молчать, как могилы, и к тому же владеют техникой, с помощью которой избавляются даже от трупов.

И все-таки нью-йоркский порт знает своих мучеников. Никто не возводил им памятников, но честные докеры хранили их имена. Особо имя Питера Пенто, чья трагическая история являлась сюжетом фильма «На набережной» и Марлоно Брандо, сыгравшего в этой картине молодого докера, который объявляет войну профсоюзно-гангстеру.

Питеру Пенто 28 лет. Уже долгое время убеждает он своих товарищей сбросить их портовых боссов. Незадолго до очередных выборов в профсоюз он проводит грандиозный митинг на одном из пирсов. «Добиваться, чтобы выборы были честными!» — звучит на набережной голос Питера Пенто. — Главное — быть уверенным, что за него голосуют, действительно будут выполнять свои обязанности!»

Вечером Питер встречается со своей невестой. «Мне нужно еще повидать двух человек и побывать на небольшом собрании», — говорит он девушке Верульке. Верульке, заботясь о будущем своего молодого человека, отказывается от своего «кредитного похода». Ему предлагают денег. Питер стоял на своем. Тогда его связали и бросили в машину, где уже ждали Готтфрид Менди, один из самых опытных убийц банды Анастасио, Джимми Ферраро по прозвищу «Грязная рожа», Тони Ромео и Флорино, специалист по стрельбе из карабина...

Несколько дополнительных деталей. Флорино не впервые работал на Анастасио. Еще в самом начале царствования Альберта Анастасио в порту Флорино убил по его приказу молодого докера, который тоже пытался встать против гангстеров. Анастасио и Флорино были тогда гангстерами и проговорены на электрическом стуле. Альберт провел 18 месяцев в камере смертников в Сент-Рокс, а Флорино, в течение 18 лет и был оправдан вместе с Флорино; за эти 18 месяцев он сумел забыть четыре главных свидетельства обвинения...

Продолжает сам показавший Эйб Рилз: «Брошенный на заднее сиденье машины, связанный по рукам и ногам, Питер Пенто боролся изо всех сил. Но Готтфрид Менди справился с ним. Оставалось спрятать труп. Его нельзя было бросить на каком-нибудь пустыре, так как если бы тело нашли, Питер Пенто сразу же стал бы героическим мучеником: все знали, что у него не было врагов, кроме банды гангстеров. Труп зарыли на краю кладбища...»

Разоблачения, сделанные комиссией Дьюи, оказались настолько сенсационными, что руководители американской Федерации труда, в которую входит и профсоюз докеров ИЛА, потребовали, чтобы последний провел чистку в своих рядах. Безрезультатно. На очередном конгрессе АФП подавляющая большинство голосов ИЛА не приняло в состав АФП, и в нью-йоркском порту создается новый профсоюз, который должен сокрушить старый, прогнивший. У нового профсоюза есть все, кроме... согласия своих докеров.

Продолжит четыре года. Четырежды голосует порт. Приняты самые строгие меры, чтобы не допустить дальнейшего выживания и череды докеров. Голосуют против нового профсоюза, созданного АФП. Они ясно дают понять, что предпочтут своих гангстеров, согласны жить в нищете и страхе, лишь бы не погибнуть в новой войне с портом.

Потерпев поражение, власти переходят к новому наступлению. В штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси созданы новые следственные комиссии. 32 детектива работают в порту под видом докеров. Пытаются поймать таинственную нить. Власть издает постановление, по которому люди, имеющие несколько судимостей, не могут работать номинально и ограниченно в доках. Гангстеры не могут не пойти на уступки. Потрясенный смертью брата и угрозам от сореников, «Неустрашимый» Тони Анастасио вступает в переговоры с полицией, соглашаясь внести предельные поправки в закон дружбе, который сам же и создавал. После двух сердечных прилюдных ступот этот старый тиран решает уйти на покой, оставляя в наследство наследного преемника своего зятя — Тони Скотта.

Этот портовый босс уже совсем новой формации — эгалитарный, владеющий ораторским искусством. Его усилия, направленные на улучшение жизни докеров, столь заметны, что Тони Скотту удаются установить пригласения в Бродвей.

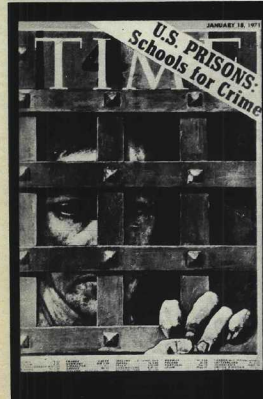
А между тем в порту все, в сущности, остается по-старому. Через десять лет после создания своего фильма «На набережной» кинематографисты снова пришли в порт. Они заявили, что смогли бы еще раз снять свой фильм, не внося никаких изменений в сценарий.

Полагать, что достаточно смены руководства, дабы очистить все порты от гангстеров, — это недооценивать министров преступного мира. Недавнее расследование, проведенное журналом «Лайф», показало, что Тони Скотто — лишь маршоница, respectable фасад. Далеко превосходит его по интеллекту и бизнесу гангстер, которого зовомали Тони Анастасио после смерти своего брата, был, вероятно, комедией. Он разгильялся в то время, чтобы замаскировать передачу власти в другие руки тем, кто менее известен, но кто обладает огромной властью в маркерин мире.

Сегодня в нью-йоркском портовом хозяйстве работает более шести тысяч бывших заключенных. Больше представителей среднего класса управляют докерами. Здесь царит нерушимый мир гангстеров.

Перевела с французского Галина ТРОФИМЕНКО.

ЖИЗНЬ В ПЕРВОУЧАЩЕЙ ШКОЛЕ

U.S. PRISONS: Schools for Crime

Блоки американского журнала «Таймс» выразителями и без комментариев. Разве что стоит перевести надпись, кое-где черкнувшую заголовком: «Горькие СЦА — школы преступности». Впрочем, президент Ричард Никсон, по свидетельству того же «Таймса», считает их даже «университетами».

Репортер этого имендельчика не Данте, и, в usual обзор круги американского тюремного ада, он пытается что-то понять, что-то оправдать. Но его невольное свидетельство четко и безусловно: преступство «американские правосудие» есть что ниюс, как жесточайшая система наказания, которая обходится стране в миллиард долларов ежегодно и которая ежедневно воспроизводит новую преступность.

«Все большее число граждан», — пишет «Таймс», — рассматривают тюрьмы как еще один символ беззакония, как новый признак того, что слишком много в Америке стало неадекватно».

С 1967 года парламент в американской «правительственной системе» изучали четыре президентские комиссии, в конгрессе слушались десятки докладов, было опубликовано более 500 книг и статей, посвященных тюремной проблеме. Но ни одна из них не оставила неопределенным ни как и бетонная стена, за которой она скрывается.

и суда, — молниеносно правонарушители. «Основная часть преступлений совершается по экономическим причинам бедняками, неграми и другими немужчинами», — признается представитель государственной системы. «Талантливый человек, да еще представитель мафии, то его жизнь в тюрьме становится весьма выгодной».

Итак, тюрьма — аппарат классового насилия императивской «урегулированности» — история признает это. Не может отрицать буржуазный журнал и того, что тюрьма является орудием подавления интеллигентности: «Принимая нас, когда мы много больше представляем среднего класса веревки в жизни вынужденными были столкнуться с карательными учреждениями, навешав собственны детей, посаженных за... сопротивление приказу на возмущение слугами».

Именно представители немужских классов, именно те американцы, которые выступают против репрессий внутри страны и агрессии за ее рубежами, оказываются в наиболее тяжелых условиях за бетонными стенами американского тюремного, что касается крупных уголовных преступников, то они весьма приятно проводят время за решеткой, подкупая стражников и получая себе все необходимое.

Журнал «Таймс» называет американские тюрьмы «школами преступности», а президент Никсон — «университетами». Дело в общем-то не в терминологии. Куда серьезнее высказывание одного из заключенных судов на этот счет: «Это и вправду тюрьма обучение в школе. Тюрьку вот не известно, когда придется окончить ее...»

Была изумительно жаркий летний день. В лаборатории шепот. Но лосось погрузил руки в заснеженный ящик, старший научный сотрудник Кристи Култас методично выдавала «на-гора» срезы мозговой ткани. Тогда я еще не видел образцов толщиной 800 микрон. И Кристи еще не пробовала их получить. На том этапе работы готовили образцы для изучения под обычным, световым микроскопом, для более грубого сравнительно с теоретическим изучением. Были те образцы раз в сто толще. Однако же и при этом в сорок раз уступали шапировой бумаге. Нередко листочки рвали, и тогда в рабочем журнале под соответствующим номером делалась соответствующая запись. Удачные листочки тут же обрабатывались химикатами. Это делал Ариядий Буданец.

Время от времени Кристи вытаскивала руки из ящика, обрабатывала кожушку на мизу пиратки и усиленно дула на носовыне от холода пальцы. В тридцатиградусную жару забские ее жесты выглядели странно. Но в ящике-кювете было градусом на тридцать пять холоднее. Срез на срезом, срез за срезом отделилась листочек замороженной мозговой ткани. Временами Ариядий и Кристи менялись местами.

Опыт на пятсот срезов мог продлиться сутки: отложить ничего нельзя, методика позволяла.

которой составляет гиппокамп. Открыватели назвали это «бурляющей жевотной», в противном случае никуда не утратилась.

О том, что они заблуждались, их коллеги начали догадываться спустя лет сто. Догадки возникли при обстоятельном трагичном. После того, как при пересадке мозгов ослепшим и слепым хирургам рисовала удалять часть гиппокампа, тяжелые эпилептики выдвораивали, но с их памятью в ряде случаев творилось неадекватно: прекрасно помнил прошлое, они больше не могли запомнить ничего нового. То, что было до операции, большой помнил в подробностях, а врача, регулярно его осматривавшего, каждый раз встречал как незнакомца.

Так расположенный в височной доле мозга гиппокамп, а вместе с ним и все лимбическая система оказались причастны к одной из великих научных проблем — к проблеме Памяти.

Кто-то из корифеев сказал: человек — это то, что он помнит. Только благодаря способности запоминать, запоминать и доложить. Формирует личность и индивидуальность. Без человеческой способности помнить не могло бы сложиться человеческое общество.

Сколько лет жизни тратим мы на учение? Что это там лет! Вся жизнь — век учения! И даже когда стареешь не забывай — понять, все равно работает наша память. Ведь «понять» — это значит запомнить и научиться пользоваться. Сколько придумано экономических приемов, облегчающих запоминание, сколько педагогических приемов! Если бы удалось выяснить, каким образом совершается в мозгу этот чудесный процесс, если бы удалось раскрыть механизм запоминания (а затем научиться на него воздействовать), — одно это означало бы грандиозный успех человечества.

Но проблема еще шире. Узнать, как помочь людям, страдающим недостатком памяти: как предотвратить ее ослабление в старости; как ее улучшить в молодости, когда нужно так много узнать и запомнить; как, на каком принципе строить машины, одающие тот же эффект... масса вопросов — клинических, педагогических, технических — группируется вокруг проблемы Памяти. Так говорят сами ученые.

Сегодняшний их представления о том, как устроена память, не бесспорны и не единогласны. Большинство все же склоняется к одной схеме. (Тут надо, однако, иметь в виду, что научная истина не провозглашается большинством голосов, хотя чем правдоподобнее гипотеза, тем больше у нее сторонников. Впрочем, по словам Гёте, «гипотеза — это вещь, которую выносят перед зданием и сплет, когда здание готово».) Итак, согласно наиболее распространенному мнению, в являющих памяти взаимодействуют два «направления»: кратковременной и долговременной памяти. Первый из них более или менее ясен. Это циркуляция возбуждения в цепи нервных клеток — нейрон, она характеризует изменение их электрической активности. Что касается механизма долговременной памяти, — он скорее всего связан с биохимическими процессами; их изменения, по-видимому, и кодируют информацию...

Наибольший интерес в этом плане привлекают и себе масса стана нейрон (синапсы) и вещества — сывязи между ними, вещества-посредники, так называемые медиаторы. Не от них ли непосредственно зависит процесс памяти? Допуская это, необходимо проследить в подробностях, как происходит взаимодействие обеих механизмов, перевод информации из кратковременной в постоянную память.

Вспомогательный материал для этой проблемы нейробиурга при операциях височной эпилепсии подкасаала физиологом. Где искать ответ на этот вопрос. (Поначаду, правда, солнца, что исечение гиппокампа разрушает кратковременную память. Но вскоре выяснилось, что она не страдает. Человек, например, в состоянии какое-то время поддерживать разговор — иначе и этого

Лес КОКИН

ДЕСТИНАЦИЯ ВЕДЬМА КПРЯЖА

Одна из интереснейших научных задач — проблема памяти с ее тонкими нюансами, впечатлительностью, эмоциональностью. Мы научились строить электронные машины с фантастически емкой и надежной памятью. Но они никогда не заменят память человеческую. Понять механизм памяти и, возможно, научиться управлять ею — значит облегчить процесс обучения человека, процесс создания интеллектуальных ценностей, значит, наконец, найти и принципиально новые пути конструирования «думающих машин». Л. Кокин рассказывает в своем очерке о работе молодых ученых Института биологии в Пушкине над решением этой интереснейшей проблемы.

ла получить результат только на свежих телятах.

Чтого они добились тогда и чего добились теперь, на куда более высоком, электронно-микроскопическом уровне? Задача была: получить картину «расселения» определенных химических веществ, так называемых медиаторов, в определенной области мозга. Задача была, как говорили тогда, «элементарной», потому что эта область на карте. Не на географической, разумеется, и не на топографической, хотя слово «топография» присутствует в названии этой «похимической» карты. Чтобы тот исследователь, кому послужит она основой и его исследования мозга, смог судить по ней о структуре определенных участков и об обмене веществ в них. Об их строении и их деятельности. И, таким образом, вести свой корабль не вслепую.

Впрочем, он, тот исследователь, тот будущий плаватель по океану Мозга, вовсе не был отвлеченным понятием, а товарищем по лунному Институту биологии, по совместной работе. Область мозга, которую стремились «положить на карту» гистологи и нейрохимики на лабораториях физико-химических и физиологических основ памяти, руководимый кандидатом медицинских наук А. Н. Черкашниковым, — эту область возглавляла Ольга Сергеевна Виноградова, кандидат наук, электрофизиолог. За несколько лет совместной работы этой участок мозга стал их общей любовью. Кристи Култас называет его ласково: «гиппокампы», — в воображении легендарного морского чудовища с головой лошади и рыбиным хвостом укрывает рабочую комнату Кристи, как герб. Мозговой гиппокампы получил от него свое имя.

Это было лет сто назад, и примерно тогда же была открыта лимбическая система мозга, часть

бы не мог. Оказалось, что кратковременная память сохраняется, а вот перевод ее в постоянную — нет.) Одной из первых подхватывала «подсказку» О. С. Виноградова.

Воспиреженики были электрофизиологической методикой и полемикой с критикой. Начались бесконечные серьезные опыты. Кролика подвергают тому или иному воздействию, например, свисту или звуку. По ходу опыта выводят сигналы, их частоту, длительность. Как реагируют на это нейроны в разных слоях гиппокампа? Подведенные к ним электроды ведут репортаж на глубину коркового мозга. Чтобы получить надежные сведения, экспериментальным путем совсем часов держат его на булавочном острие. И кролик в течение всего опыта должен оставаться спящим. Если он разнервничался, — весь опыт насмарку. Это, кстати, особенность методической особенности любой работы по изучению мозга, особенность, которая часто вызывает недоверие исследователя по поводу... Портрет нейрона отнимает восемь часов работы. Мозг кролика исследуют десятком нейронов, чтобы «подшить на карту» — уже на физиологическую карту — эту загадочную область мозга.

Чувствуете? Ведь парадоксально физиолог и невролог составляет свою карту. «Ага!» — говорит им физиолог. — Вот тут нейроны повели себя своеобразно. Какова тут их структура и химия? «Ага!» — говорит ему физиолог. — Вот этому участку строения клеток и химия сигналов необычна. Как там ведет себя эти нейроны в опыте? Природа «конструирует» себя настолько целесообразно, что связь между устройством и функцией рано или поздно всегда выясняется.

Постепенно обе карты накладывают друг на друга. Структура, химия, функция при этом как бы освещают друг друга. Вот это, пожалуй, главная работа — чтобы максимумное наступление на проблему.

Физиология плюс биохимия плюс гистология плюс электронная микроскопия плюс изотопная методика.

Эта, последняя, занимает мысли цинковиков. Есть такая группа в лаборатории — три Володи, возглавляемая В. Кузнецовым, озабочены ролью цинка в строении клеток и химии синапсов этого металла в живом организме известно опять же лет сто. Нет ли тут еще неизученных, но некоторые участки гиппокампа относительно высокое содержание цинка, но нам, как нам, ни в каком виде. Трех Володем удалось выделить из синапсов белок, включающий в себя цинк. Если сорвать, как это им удалось, три Володы расскажут, как они выжили методикой цинка той год, чтобы убедиться в правильности первых своих результатов. Дело в том, что в этой «богатой» зоне цинк считают на гаммы — мерь ведь, в обведенной жизни нереализуемые. Одна гамма миллионная доля грамма! Понимаете, как осложнен один физиолог, прости истину давно уже открыты, и нам осталось постигать истину еще сложней.

Схема химии мозга, именуемой гиппокампом — в том виде, как ее представляли себе лучшие исследователи, — на первый взгляд не так уж сложна. Но на эту задачу уходит простую работу, по полсотне вариантов схем, ни много ни мало 28 человек-лет. Четыре года жизни семи ученых...

Как рождался городок? В старину они сами собой вырастали на перекрестках торговых дорог или под защитой монастырских стен. С развитием ремесла, производство стали выделяется промышленные города, и если бы их названия отразили их историю, как отразило почас географично, то были бы в России наравне с Ростовом-на-Дону Иваново-на-текстеле, Норильск-на-полиметаллах, Магнитогорск-на-железе. В таком ряду город Пушчино-на-Оке стал бы Пушчино-на-бифонне.

Провести конкурс думаю, — говорил мне физик Армен Сарвалян, — как оформить въезд в город. Я предлагаю использовать импульс. Продаст себе, как это выходящее элемент, в импульсе импульсы химии его окружения? Например, нервный импульс. Волна и потом полка, прима. Исполнить это в бетоне, а вдоль переключки над дорогой, и по нему надпись: «Пушчино». А? Мне кажется, будет неплохо. Вы когда

нибуду в Бресте были? Со стороны Савана чайку на взъезде помыли? Едва касается земли в одной толчке — и крыло над дорогой.

Еда? Не надо горько. Мы помнили название рыбы, скажем, лет тридцать — сорок напад, вместе с Новокуюпецком, Комсомольском, Магниткой. Тогда его время еще не пришло. Молодой горю над, объясняя своим родителям, что такое чечевичная мысль, — значение нашего времени.

Александром Азаравяни я позвонилась, еще не подозревая, что он имеет отношение к проблеме Памяти.

Встреча стоит того, чтобы рассказывать о ней. Я сидела у телефона в институте на расстеленной кровати, когда позвонил человек с кривой, раскрасневшей головой. На ладони он держал пенца и то и дело подносил его к лицу. Пенец напоминал воробушка, но оказался, что это лесная птичка слава.

— Выкармливаю, — охотно удовлетворяет человек мое любопытство. — Ребята добродели его в лесу и принесли мне. Наверное, их гонела выпал.

— А почему именно вы? — спросил я.

— У меня он не первый. До этого солонья выкармливал, а еще раньше ласточку. Она одна меня любила, больше года.

Я хотела сразу выгнать его из комнаты, но он подставлял ей согнутую ладонь и посылал: «Чирка, Чирка». Она послушно прыгнула к нему в руку, как в гнездо.

Ласточку запустил?

— Нет, пока! Я уехал, а ее оставил. Тот год мне часто приходилось в Москву ездить, по делам, я ее всегда с собой брал...

— Нет, она у меня без клетки была. А возил в корзинке, знате, в соломенной, с крышкой. Один раз в автобусе, а здесь, что до Сергеева, она у меня выпорхнула в прошлую секунду. Она за мной была полно, ее тутешее поймают, она замечается, я ее вижу, а она метается, я кричу: «Не трогайте!» — а меня не слушают. Наконец кто-то хватает и давай ее наружу черес аз. Я кричу: «Вперед, черес реку!» — и кричу: «Привава! Рядом была остановка, я выскочил. Она выжила, она проворде стоит. Стал звать. Она подплыла и летает. А я: «Чирка, Чирка!» Какой-то старик рядом засталовся, смотрит на меня, слышно я того, неформально. Но Чирка полетала, полетала и ко мне на ладонь села, вот как эта. Ох, старик удивился. Если бы, говорит, сам не видел, я бы не поверил, что такое.

— Нет, орнитолог, должно быть? — спросил я.

— Нет, почему. Это так, развлечение.

Птицы оказались не единственными его «развлечением». Еще если говорить лишь о том, что имеет отношение к живой природе, — он разводил рыбок и коллекционировал натуссы. Специальность же Алика (так зовут его коллега) была физиологией. И ничего нет удивительного, как в развитии памяти его привлекло изучение наносвернейшей физико-химической походки, благодаря которому при помощи изобретенных методов исследователи проникли в глубины жизни клеток живой природы, в самые основы жизни животного; ведь тут же биохимия: жизнь — это то, что мы терять в пробирке, — так вот, Аликко по духе не менее совершенный, но как бы сказать, синтетический организм, — а вместо этого показав собственный кинофильм об этих опытах (еще одно Аликко «развлечение» служило ему службой).

Еще тут таклова. Крысы должны пробовать по слуху, чтобы заблудить, чтобы добраться до кормушки. В начале пути — развила, причем как надо из «договор» приводит к своей кормушке: одна из них во время «уроков» pursue. И в заключение — что это такое? Мы хорошо видно, как сначала крысы осторожно нащупывают путь, подолгу задерживаются возле каждого поворота или развилок, то и дело отбывая и возвращаясь на место, пока не найдут в каждой попытке путь к своей кормушке и, наконец, победив, стремятся неслышай.

Как изучают память? Крысы должны пробовать по слуху, чтобы заблудить, чтобы добраться до кормушки. В начале пути — развила, причем как надо из «договор» приводит к своей кормушке: одна из них во время «уроков» pursue. И в заключение — что это такое? Мы хорошо видно, как сначала крысы осторожно нащупывают путь, подолгу задерживаются возле каждого поворота или развилок, то и дело отбывая и возвращаясь на место, пока не найдут в каждой попытке путь к своей кормушке и, наконец, победив, стремятся неслышай.

сия знакомой дорогой к корму. Курс так называемого диссоциированного обучения заключается в том, что при введении животного одного из кормушек, не вводя в курс кормушки, при введении другого — в лежку. Когда наступают паузы «аккумуляции», обученная крыса выбирает направление не колеблется, но в зависимости от того, какое вещество ей выпустит перед «аккумуляцией». Если же для контроля делают условно-пустышки, крыса теряет все навыки и ведет себя, как необученная. У животного появилось как бы три независимых канала памяти.

Практически очень эффективные опыты не были оригинальностью; для начала надо было воспроизвести уже известные результаты. «Свое» появилось тогда, когда в качестве феномена известности выступил эффект РНК. Это время среди ученых широко распространено мнение, что носителем индивидуальной памяти следует считать рибонуклеиновую кислоту — РНК, но анализ этого вопроса показывает, что индивидуальной памяти является ее бланковая структура — ДНК. В пользу этого говорили, например, то, что при введении фермента, разрушающего РНК (то и есть РНК-азу), разрушаются и условные рефлексы. У животного как бы отшибает память. Однако действие оказалось временным, рефлекс возобновлялся, и гипотеза о том, что известно памяти — это РНК, не выдержала. Введенная РНК в животных памяти сомнению не подвергалась. Опыты Азаравяни — еще одно тому доказательство.

Крысы, обученные на фоне РНК, если ее убрать, рефлексы вырабатываются, но не сохраняются. На следующий день — в отличие от того, что происходило при других веществах, — обучение приходилось начинать заново. — У этом говорил Д. Дж. Томсона. РНК не участвует в запоминании, в том самом переводе информации на кратковременной в долговременную память, который так занимает исследователей гиппокампа.

Выяс физиолога Азаравяни в общую схему станет еще заметней, когда в своих опытах по диссоциированному обучению он испытает в качестве фонных вещества трифенолметан, антагонист фермента РНК-азу, разрушающего ее, или соотвественно, или блокирующий ее.

соотрудники лаборатории (большинство которых до тридцати лет почти не знало, хотя открытая здесь делаются чуть ли не каждый день — пока что «крохотные» открытия, «для себя»). Но чувство удовлетворения от открытия, — особенно если «открытие» давалось в муках и в особенности когда после находки ему подтверждение в литературе.

— Ни с чем не сравниваю, чувствую, — свидетельствует Лева Паскалик (биофизик), научный стаж — один год, автор одной печатной работы — в журнале «Цитология» опубликована Лина дипломная.

Паскалик Д. Дж. Томсона назвал его «законом самостоятельности» в науке. «Надо самому постараться найти верный путь, а потом уже изучать литературу вопроса», — приводит Динис своего учителя Кирилла Рейсфорда. Рейсфорд — от своего учителя Д. Дж. Томсона... Каждый из выдающихся физиков начинал с открытий для себя.

Замечали, как профессия человека скамывается в его обывательной речи? Шофера знают, электрик контактен. — В биологии есть понятие «онтогенез» — индивидуальное развитие организма и физиология — развитие вида. Так вот: физиологу наука предшествует онтогенезу человека.

В научных статьях сообщают о результатах работы. О пути ученого мы узнаем обычно то же, когда его результаты, учитывая лауреата, мы воспеваем, в которых много забыто. Мы узнаем об ученом в их нечастые праздники, к которым они собираются по долгой ленивой будней. И чем ярче праздник, тем больше вокруг него летит тала запах Архимеда или вымотанного яблчка.

«Науку», надо изобретать как не склад готовых открытий... а как арены борьбы, где конкретный физик человек преодолевает сопротивление природы, преодолевает трудности лауреата Горький. В заметках из одной лаборатории молодого города науки — были молодые ученые, их почтае некогда шугали... Возможно, по лестнице, которую они открыли, шагнул кто-то из нас, но будем, а даже если законом запоминания их не удастся раскрыть.

О ТЕХ, КТО НЕ ПИШЕТ ЖАЛОБ

Анатолий ПИНЧУК

Фото Жанны МОРЕНО

ТОЛЬКО

МЕФИСТОФЕЛЬ И ПАНАСЮК

Бога, конечно же, нет. А вот рай есть: я по-прежнему об этом с уверенностью говорю, что сам прошлым летом там сутки прожил.

...Минутах в двадцати от рая — шум и духота; здесь — тишина и прохлада, здесь поют птицы, а на трансисторе, здесь благодать. Рай в лесу или лес в раю — не знаю, как уж правильнее сказать.

Детей — великое множество. И все они, как на подбор, высокие. Полным-полно мячей, три пресловутые площадки, таежловатертинский помост, гимнастический городок, отличная столовая, похожая на ресторан, и клуб, на дверях которого не висит алмазный замок. Вот тут-то догадка относительно того, что я в раю, переросла в уверенность. И ничто уже не могло меня в этом разубедить — даже утверждение о том, что нахожусь я в Красной Пахре, в спортивно-оздоровительном лагере ДЮСШ Советского района Москвы.

...ДЮСШ эта уже тринадцать лет имела своей лагеря — не то чтобы плохой, но и ничем не примечательный: обыкновенный палаточный, каких у нас великое множество. А вот у районного Дома пионеров лагерь был хоть куда — настоящий, стационарный. Но неухоженный, запущенный. Он, видать, владельцу своему не очень-то и нужен был.

Чего же добро пропадать, решил Юрий Яковлевич Равинский, бывший тренер ДЮСШ, а ныне директор. Он пошел в райсопком и сумел убедить кого надо в том, что лагерь должен быть отдан его школе.

Попадая в Красную Пахру месяца на полтора раньше, я, видимо, не о рае писал бы, а о том, как из хаоса этот рай создавался. Очень мне жаль, что не затеяли меня туда, когда, позвольте и брошюнный, этот лагерь ребята, их родители и тренеры в божеший вид привели. Все родители — а их было 300 — проработали в лагере по восемь своих выходных дней. Ну, а са-

А теперь я хочу поведать вам еще одну историю без конца, которая с только что рассказанной связана разве лишь единством места действия.

...Позвонил мне Корнеев и без всяких там предлюдий энергично излагает суть дела:

— В твоём распоряжении десять минут. Затем я за тобой заеду — поезду посмотреть, как будущие баскетболисты жмут!

Сказал, трубку повесил, приехал, увез — очень он решительный человек, Юрий Корнеев.

Корнеев уже второй год тренерствовал в школе Равинского. Я об этом знал, но както не укладывалось у меня в голове, что Корнеев — тренер, да еще к тому же детский.

— Юра, если бы тебе пять лет назад сказали, что ты будешь детским тренером, ты поверил бы?

— Что, еще не доехал, а уже пишешь? Ну что ж, пиши: если бы мне такое сказали, я бы от смеха умер!

Я — тоже. Корнеев всегда на куряме играл, и, когда рвался он, скажем, к шутке или пресниговал, со стороны очень похоже было, что это Мефистофель вышел на площадку — изидный нос крючком, бешенство в мрутах, напруженные от злой сосредоточенности глаза, оскаленный рот, — да, очень он был похож на Мефистофеля, который, размять косточки, вышел баскетболу поборолся. Его, этого сумасброда, бешущего гусара от баскетбола, и противники и судьи (полные взрослые люди) побаивались — и на тебе, детский тренер...

Я с Равинским своими соображениями поделился, спросил: получится ли из Корнеева тренер?

— Конечно, он не ангел, — сказал Равинский. — Но тренер из него уже полуузился. Он пецовно тренирует, и те в нем души не чают.

Догадавшись, что сомнений моих он не расселя, Равинский добавил:

— Он сейчас совсем не похож на того Корнеева, который играл. Правда, он, бывает, прикрикнет, но ведь ребята лучше нас с вами в людях разбираются и чувствуют, когда на них злой человек кричит, а когда добрый. Корнеев кричит, чтобы доброту свою спрятать, и еще от нетерпения: он хочет, чтобы павцы в свои двадцать-тридцать лет умели делать то, что делает он, — ну, и, наконец, потому еще, что с этой публикой иначе нельзя.

ми ребята и их тренеры сколько надо было, столько и работали. Один отряд, потренировавшись, являлся местами с другим, который, проработав, шел тренироваться.

Решили сделать две площадки с деревянными помостами. Решено — сделано. Но это только сказать просто, а сделать, сами понимаете, было нелегко. В близлежащем лесозащитном пункте. Но на перевозку теса этого денег уже не осталось. На себе перетаски. Десять дней один помост сбивали, четырнадцать другой.

Площадки с деревянными помостами и на базах, где тренируются мастера, не часто увидишь. А эти получились — нарядушьюсь. На одной из них вполне могла бы и сборная СССР играть. Это — Юрий Яковлев, чемпион СССР самого Корнева, который в свое время даже ЦСКА и сборную СССР выступал. Корнева даже кулакком стучал: «Чество готовить, у нас в Лесозащитке хуже площадки была!» (В Лесозащитке — знаменитая база, которую долгие годы арендует сборная СССР).

Огорченный сверх меры тот, кто не попал в Красную Пахру на месяц раньше, я буйвалом истерял Равинского: это покажите где про то рассказки. Он вводит меня по лагерю и терпеливо отвечал на все вопросы.

Но пора уже представить вам Равинского. Он — Павлов, идею он заставлял усомниться в том, правильно ли толкуется словарики слово «тренер». Потому что Равинский не только тренирует маленьких спортсменов, обучая их баскетбольным, или теннисным, или каким-нибудь еще физкультурным, — он воспитывает маленьких людей.

Для тренера, работающего от six до six, трудное дело начинается в спорзале и в спорзалитренировке. Если бы не надо было ездить по рабочему дню успеваешь побывать в школах, после его окончания — дома у детей. Хотя и молод еще Юрий Яковлев — ему 36, его впол-

но можно даже считать. Потому что из восьми тренеров ДЮСШ пятеро — две Валентины — Ракинны и Фетисова, Николай Башков, Сергей Чернов и Александр Метелин — совсем еще недавно, несколько лет назад, ходили к Юрию Яковлеву тренироваться. Сын его ученика, можно сказать, его дети, и, стало быть, их ученики Равинскому приходится звануками. Между прочим, сам Равинский баскетбольным предводителем обучал в этой же школе — с 1948 года. В 1952 году Третьяковским, инфибрикует вернулся а школу и тренеровать вот уже полтора десятка лет.

О Равинском я слышал задолго до того, как впервые увидел его. Когда заходила речь о лучших теннисистах Москвы, обязательно упоминали его имя. И когда речь заходила о том, кто-де маловато у нас еще хороших зюлов для юных баскетболистов, тоже вспоминали Равинского: заб, говорил, жуке не придумаешь — клеушка, да и только. Из этой клеушки начала свой путь в большой баскетбол Галина Воронина, которая играет сейчас в сборной СССР. В команде мастеров московского «Динамо» еще один ученик Равинского — Юрий Корнев.

Узнав, что расстроился я из-за того, что своими глазами не увидел, как из ничего создается нечто, Равинский расхохотался: мне бы, мол, великий теннисист, а вы говорите, жуке не придумаешь — истре, как могу, ушел!

— Да не печальтесь. У нас еще работы непочатый край: придется будущим летом — сами увидите, кто ли здесь будет сидеть.

И вот, когда я спросил, почему же, не дотерпев до будущего лета, написал я эту историю?

— Мораль, знаете ли, не только у баesen есть. Она и во многих статьях содержится. На мой взгляд, есть она и в этой.

В Красной Пахре, разумеется, никакого подвига совершенно не было. Просто директор ДЮСШ проявил, как говорят в таких случаях, здоровую

инициативу: действительно попросил отдать вверенной ему школе лагеря, давно заброшенной его владельцем. Просто власти поступили разумно, отдав лагеря более рачительному хозяину. Просто ребята, их родители и тренеры своими силами привели запущенный участок в божеий вид.

Ну, а теперь взглянем на то, что произошло в Красной Пахре, под иным углом зрения. Да, это мораль, теоретическое заключение, а на практике Уго — не штирмам и заринст, с которыми мы встречаемся реже, чем того хотелось бы.

Но, а теперь взглянем на то, что произошло в Красной Пахре, под иным углом зрения. Да, это мораль, теоретическое заключение, а на практике Уго — не штирмам и заринст, с которыми мы встречаемся реже, чем того хотелось бы.

«То куда же часто приходится читать и вслушиваться, чтобы угодить градо-просьбы, жалобы на то, что долины помочь, а вот ведь не помогают. Разумеется, есть просьбы и жалобы, которые вызывают сочувствие, желание помочь. Кто-то заирал сочувствием, ответственностью, гордостью работать измучившимся тренером, поменяю не построили площадку, которую долины были построены. И по мере сил и возможностей все учреждения, куда обращаются жалобники и просители, идут навстречу.

Но — чего греха таить — вслушиваясь порой ведь и такие просьбы, которые вызывают чувство раздражения: «Администрация я замком не хотят сделать ни стога для молодых теннисистов, старые мячи пришли в негодность, а новый инвентарь нам не покупают». «Площадки, на которой мы играли в волейбол, захлэманна, а не желают привести в нормальный вид». Будто не было бы обязательно, как минимум, чтобы нейтрально шулку, как стол для настольного тенниса, будто заорно убрать мусор с площадки, на которой само-то и играют, будто нельзя купить в спортмагазине, чтобы не пришлось сделать легче, чем писать письмо с просьбой, чтобы этого пустак сделал кто-то другой. И вот ведь что любопытно. Те, кто сами делают, не пишут ни мегахода — они делом заняты...»

Две неоконченные баскетбольные истории с предполагаемым счастливым концом

верное, и хотелось и колосолю. Но все-таки я его уговорил.

Вот какой игрок подходит. Сейчас еще так себе. Он без году недоло забиваете. Беда вот — ноги лилые... Это затори-ти Кеды, не набегався, зашнуоровал: «Вова! — говорию! — поднимешь мяч одной рукой, не переключаясь раз голдиз, так свободно и просто, будто теннисный мячик, я от радости не подпрыгну!

Всякое бывало: и радовал он меня и кроувицил меня. Вот об какой номер недавно вспоминал. Возвращаясь из Москвы — я по делам в Москву ездил — и узнаю: сбегала мой Вова. Куда? Почему? Что случилось? Павшана, чувствуя, в курсе дела, но молчал. Не волнитесь, говорю, Вова не был в Москве — он в парке, но о том, что произошло, — ни слова.

Я — в Москву. Около двенадцати ночи заявляю к Вове домой. Тут он, товарищ Панюшка, в постели. Я его, раба божьего, с кровати поднимаю. «В чем, — говорю, — дело, что, — спрашиваю, — произошло?»

А прозонашо, оказывается, вот что. Их отряд дежурил по кухне. Вова не филон, больше других работал, но когда ребята ему сказали, чтобы он едет и ведрю таскал, мой Вова в бутылку полез: как же так, он ведь и без того больше других сделал!

Викю — не прошла обида. Вью — ждет, что буду его утешать. Нет, думаю, рязнубезный мой Вова, шалишь, не дождетесь ты от меня жалости. Не знаю, как бы на моем месте поступил Макаревич, но я бы так же поступил.

«Да ты что! Да как тебе не стыдно никто распускать! Они маленькие еще, а ты — погляди на себя — какой мужик выглядишь! Ты больше всех пахать должен!»

Викю — воякиным глазах удивление, согласие и раскаяние. Он, видать, об этой стороне дела не думал, и приятно ему стало: как же — они маленькие, а он уже взрослый! «Юрий Иванович, — говорит, — мне не нравится, как вы на меня смотрите. С собой я его не забрал: он еще в лагере жаловался, что у него живот побаливает. Но нет его и нет. Не придет — для чего два раза опять к нему приходилось».

Викю закончил свой рассказ Юрий Корнев. Но правильнее сказать, что не закончил, а прервал, потому что часа через полтора он ко мне подошел с сияющим лицом и протнул конворт.

И закончил советом: — Попросите Корнева рассказать про Володю Павшана. Если он согласен, что Володя прыгает плохо, вы ему не верьте. Корневу не терпится, чтобы ты уже сегодня мяч двумя руками сверху в корзину закинул.

И вот после стенографа и записанных рассказов Юрия Корнева о Володе Панюшке.

— Коля Башков, тренер наш, как-то говорит мне: «Юрка, я вчера около нашей дзаша видел пацана под то деванство, и лет ему не больше тринадцати». Если бы не баскетбол, мне это сказал, а бы ни за что не поверил. Шутка ли, под сто деванство! У меня, ты знаешь, сто деванство вosome, а в тринадцать лет сто совмещает.

Ну, мы и решили: раз здесь ходил, ставь быть живая и учись, наверное, где-нибудь поблизости. Так оно и вышло. Учился он в 551-й школе. Приходит в школу — идут уроки. Стоим в коридоре, ждем звонка. Кончился урок — ребята из класса вылетают: «Мой вышел последним», степенно так даде нагнуги, чтобы голозой а прилгоуко не стунулись. Я прямо обалдел от радости.

Подхожу: «Здравствуй. Как тебе зовут?» Он: «Вова». Я «Ну, а Юра». Он хохочет: шулку, мол, не понял. Я еще больше обрвадуюсь: баскетбол не для дураков, будь у человека хоть три метра, но если он дурак, толку из него не выйдет, а мой Вова шулку понял — уже хороше, ведь он бывает, чтобы дураком быть — спрашиваю: «Хочешь, — спрашиваю, — в баскетбол играть?» «Хочу», — говорит. Я ему объясняю, куда и когда придется, он обещает — не приходить. Привожу его, Вову, к моему не приходу.

«Приди, Юрий Иванович», — отвечает и опять не приходит. Я опять в школу — его нет, я — к нему домой. Открываю дверь — рука у него повезана: упира, руку повезали. Не повезало, дело не только в руке. Мать его — один вдодем живет — говорит, что Вовка, мол, плохо учился. Я ей целую лекцию прочитал о том, как спорт учебе помогает! — убеждаю.

— Что еще одной причине догадался. Высокони проходу не дают: калман, мол, жердя и всякое такое прочее. Я это по себе знаю: кохкей из-за этого когда-то бросил. Ну, Вовка, видать, и родители в школе знают — тут у ю немет, что подалось, потому что от школы никто не денешься, а в секцию, где новых избитков, наверное, полным-полно, зачем же идти? Вобщем, ему, но-

Я всегда с недоверием отношусь к совпадениям, которыми поточут меня авторы. Подозреваю, что среди моих читателей сыщутся такие, хочу извиниться перед ними за удобное, что ли, совпадение и дать честное слово, что на самом деле все не так обстоятельно, как написано.

Прочитав письмо, я вначале даже хотел поставить его в расказ Корнева. Но, убедившись по датам, значившимся на письме и на конверте, что письмо и впрямь пришло именно в то день, когда я был в лагере, решил ничего не переделывать. В конце концов не виноват же я в том, что зачастую правда выглядит менее правдоподобно, чем вымысел, и что совпадения случаются не только в баскетболе.

Так вот, в конверте было письмо Володи Панюшка, которое я и привожу полностью, не меняя в нем ни одного слова, ни одной запятой.

«Здравствуй! Юрий, — начинаю, — когда ты оказался сложней, чем думал. Перед встречей, врач мне сказал, что можно заниматься спортом, через две недели, но на переписке я заметил, что у меня плохо со спиной и скакэл, занятая придется отложить примерно на месяц и я не смогу ехать в лагерь. А мне хотелось заниматься, чтобы не отстать от ребят. Юрий Иванович, я постараюсь их не отстать».

...Полтора месяца спустя в лужинском Дворце спорта начались два баскетбольных турниров. В одном играли команды СССР, Мелослованин и США, а в другом — команды из других республик районной организации. Я вошел в зал в тот самый момент, когда тренер-команды Советского района Юрий Корнев взял тайм-аут. Без труда узнавая я в одном из торпонишских и Корневу. Встретив Вову Панюшку тощич, с двумя руками, был он намного выше четырех своих товарищей.

В одном из турниров победила сборная СССР, цвета которой еще шесть лет назад забивали заслуженные мастера спорта Юрий Корнев, в другом — команда Советского района.

Направившаяся и символичный эпизод, не правда ли!

Но я ведь не случайно предупредил, что и эта история не закончена. Она закончится в то день, когда Владимир Панюшка сыграет свой первый матч в составе сборной СССР. Юрий Корнев, конечно, надеется и верит, что концовка будет именно такой.

ПОВЕСТЬ

становившись у порога, Трофимов хмурым и настроенно посмотрел на Сергея. Лишь у Трофимова было столько забот, столько на выхулях лоб падала темная чешка.

— Долго меня таскать будете? — спросил он. — Или вы не выносите. Подумаешь, чемодан с бархатом мне.

— Прощай и сейчас, — строго сказал Сергей. — Повторить надо.

Он уже прочел протокола допросов Трофимова и кое-что узнал о нем еще со слов Лебанова. — Ну, так вот, — продолжал Сергей, когда Трофимов спустился на стул возле его стола. — Тебе, Борис, семнадцать лет, это вполне достаточно, чтобы понимать, что хорошо и что плохо. А вот вступать ты в силу только историей.

— Уже вступалась, — все так же хмуро, но не очень твердо возразил Трофимов.

— Вот-вот. Но преступление не осталось. Нельзя раскрывать. И мы должны его раскрыть. Нельзя позволить открывать людям, губить их. Нельзя, понимаешь? Закон и совесть не позволяют.

— Еще бы не понимать. Ясное дело, не позволю.

— Между прочим, чемодан ты тот нашам. Вот он, гляди, — Сергей подошел к шкафу и, достав оттуда чемодан, протянул его Трофимову.

— Узнаешь?

— Конечно, он! — кивнула тот. — Я на нем колбасу резал. Вот, видишь? Знал бы, что там, ничего не резал. И вообще... не повез бы.

— Самодетс, Борис, нам помочь, — твердо сказал Сергей. — Без тебя трудно нам будет.

— Чем помочь-то? — Трофимов удивленно и чуть испуганно посмотрел на Сергея.

— А что выдал.

«Ну, вот, — пронеслось в голове у Сергея. — Так я и знал.»

— Где ты его выдал?

— Мне ушше. Боря, нам помочь. За рулем... и насильно прибивая: — Говорил, жалею ему негде. А сам на машине разлетелся.

— Какую у него машину?

— Москвич. Категория восьмой. Новый совсем. Красного цвета, как пожарный.

— А номер не заметил?

— Нет. На номер и не посмотрел. — Трофимов усмехнулся. — Сидит на меня хрюкает.

— Зато человек ты, кажется, стоящий. И если Юсук тебе придет...

— Он мне шепотом обещал.

— Ну, может не шепотом. Поручение его ты, слава богу, не выполняешь. Что он придет узнать, что случилось в Борске. Ведь Рожков оттуда не вернулся.

— Иван? А вы почему знаете?

— Завчеркай он.

— Ну да? — Трофимов с изумлением посмотрел на Сергея.

— Что ж тут удивительного? — усмехнулся Сергей. — И не так уж удивительным.

— Он говорил, у него там знакомая баба есть. Всегда спрачет, если что.

— А тебе, если что, куда вела приятелька?

— Мне-то? — неверно переспросил Трофимов. — А куда? Что мне приятелька? Его, он говорил, искал моего. А меня кто будет искать?

— А его, значит, могут искать, — задумчиво повелся Сергей и взглянул на Трофимова, не ожидая вопроса. — Это ты, Боря, делаю, если бы Семенов не встретил тебя на вокзале, куда бы пошел?

— Дойдя к нему, куда же еще? — пожала плечами Трофимова. — Меня же по ног тебе было... Он брезгливо кивнула на чемодан.

— Конечно, куда же еще с ним идти, — подтвердила Сергей и снова спросила: — А где живет Семенов? Ты знаешь?

— Нет. Иван обещал сказать и... не знаю. Не успею, что ли. Еще в поездке должен был.

«Не успею, — подумал Сергей. — Так-таки не успею. Ну, Рожков, теперь еще с чем с тобой поговорить. Кажется, только с Семеновым интереснее. «Погоди, погоди, — сказала он себе. — Только не торопись. Надо еще кое-что сделать и кое-что выяснить.»

Иногда оказываясь на месте, когда ему позвонил

Сергей, и тотчас зашла к нему в кабинет. Живой, энергичный, он словно ждал этого звонка и zároveň уже был готов жевания выполнять любые поручения.

— Послушайте, Мурат, — сказала Сергей, когда молодой оперативник вошел к нему в кабинет. — Вы идите в аэропорт, откуда вылетел Чуприна в закусочную и около аэропорта?

— Помню, конечно! — воскликнул Ибадов. — Могу их выжить хоть сейчас, пожалуйста.

«Их надо будет выгнать и пригласить сюда. Но сначала надо будет сказать им что-то.»

Сергей говорил спокойно, неторопливо, стараясь умерить горячность своего молодого помощника.

— Вы все поняли, Мурат? — спросил Сергей. — И не спешите. Людям надо выбрать точно, чтобы у нас не было тут овечки.

— Попка! Конечно, попка!

— И приволяйте фотографии этих нескольких человек, близких ему по возрасту, по цвету волос и без зубов, бороды, очков — словом, без особых примет, которых нет у него. Вы понимаете?

— Ну, конечно, Сергей Павлович!

— Затра воскресенье, но придется поработать.

— Что за разговор! Конечно, поработаем, пожалуйста.

— Хорошо. Начинайте сейчас же.

Сергей ушел, сказав ему всад и позвонил Валкову. Тот оказался на месте.

— Зайду сейчас, — сказал Сергей. — Хочу тебя посмотреть кое о чем.

Разговор Валковым был совсем другим, чем с Ибадовым. Валкова не надо было сдерживать и успокаивать, он сам мог точно усложнить и осмысленностью у него хватало на двоих. Да и видел он куда дальше, чем Ибадов, и скорого финанса не ждал.

— Есть один одолонок, — неторопливо и задумчиво сказал Валков, крутя в руках очки. — Неккий Завков, по кличке Кат. Окружение — всякий Чуприна знает как своих.

— Такой именно человек и вылез, — подтвердил Сергей.

— Человек, — усмехнулся Валков. — Это, милое дело, не человек, а... как бы тебе сказать?.. Природженный хлелевник, вот он кто. Мать родную продал, друга, кого хочешь. И наговорит на них столько, что свет не видно. Вернее, чего ты хочешь, а так и наговорит.

— Опасная рожа, — заметил Сергей.

— Куда там! Опаснее не придумаешь. И главное, восток учуд, чего тебе надо. Вот ведь что. Чуприна он сразу и убивать записал.

И все-таки с ним придется потоговаться, — вздохнул Сергей. — Выбора у нас нет и времени тоже. При этом запутать, чтобы ничего не утнуло, и все, что можно, узнать. Не мне тебе учить.

— Это понятно, — кивнул Валков и посмотрел на часы. — Теперь уже только завтра.

— Да, конечно, — согласился Сергей. — Но завтра обязательно. Прямо с утра. Потому сейчас надо уже подготовиться.

Да, с Валковым все было по-другому. Его не надо было учить и призывать к осмысленности.

И еще, — продолжал Сергей. — Пусть ГАН приедет с собой человек, а... как бы тебе сказать?.. чеперьта восьмой. Это тоже пусть к Юсуду.

— Не торопь. Трещит легковых машин и столько же карточек. И каждого из владельцев надо будет пометить, пометить, раздобыть еще одну утку, если она только существовала, эта утка. Тут Сергей до конца уверен был. Но если она существовала, то не только раздобыча Рожков, но и кому-то, — кивнул Валков, — какой-то главной, конечной целью, а действительную функцию.

Важная эта утка тановил в машине, который был конвоирован в Борске и который привел туда Трофимов и Рожков. Причем Трофимов фактически не имел к нему отношения, он был случайной фигурой. Иное дело — Рожков. Он знает, откуда взялась эта отравка, кому она принадлежит, кто послал ее Семенову. Но мало этого. Если она

ещи ядру обернется уткой против него, то может оказаться, что Рожков знает куда больше. Добросовестно о ничто не скажет, но опасая себя...

Сергей долго еще размышлял, чертя какие-то кружки и квадратики на бумаге, потом сам тулкнул ногой номер в длинном списке под стеклом и позвонил.

«Ему отдал женский голос.»

— Добрый вечер, Говорит Коршунов, — сказала Сергей. — Это Зара Халипова? Мы с вами вчера уже общались. Вы успели что-нибудь сделать? Успели? Вот спасибо! Ну и как? Совсем? Значит, удача партия? Отлично. Огромное вам спасибо. Можно получить письменное заключение. Не надо. Я сам сейчас зайду.

Сергей торопливо убрал со стола бумаги и вышел из кабинета.

«Ну что ж, — думал он, шагая по длинному коридору. — Кажется, завтра мы все закончим. И в понедельник мы с тобой поговорим, Рожков. Как следует поговорим. Деться тебе куда? Некуда.»

Но в то же время Сергей прекрасно понимал, что деться Рожкову будет куда. И если он берет этот очтачный путь, то деться куда-то будет Сергею. Потому что половина победы для Сергея равновесна поражению, временно, конечно, но поражение. А на том пути, который мог избрать Рожков, Сергей ждала только половина победы, причем название важная.

Мысль о Рожкове не покидала Сергея и на следующий день, когда он готовился к допросу.

— Да, конечно, — думал Сергей. — Рожков — человек опасный, очень опасный, он способен отнять жизнь многим людям, а то и просто отнять ее у кого-то. На совести именно таков, как Рожков, истощенных судьбах совсем молодых, неиспытанных ребят вроде Чуприна или Трофимова. Только Трофимов — это начало такой судьбы, а Чуприн — это ее конец. И бороться с такими, как Рожков, действительно труднее. И для этого надо обходить все теги и тонкости бытия. Что и говорить, грязная работа, конечно, и небезопасная, кстати.

Утром в понедельник в кабинет к Сергею явился Рожкова. Длинный, худой, обросший черной щетиной, он зашел в кабинет и заложил за спину руку, прошел к столу. На губах у него застыла насмешливая усмешка. Всем своим видом Рожков словно говорил: «Ничего не боюсь. Пылаю я на тебя». Но Сергей не отвел от него взгляда.

— Вы знаете, — начал Сергей, — выслушайте, все у него внутри вытянуто, как струна, и он готов к съезду.

— Вот мы с вами и в Тамбове, Рожков, — спокойно сказал Сергей. — Можете продолжать разговор.

— Вы куда хошь приволяете.

— Куда надо, — поправа Сергей. — Здесь у вас, оказывается, много знакомств. Ката, например, знаете?

— Кто его не знает, хоть эту, — презрительно ответил Рожков.

— Вот мы и других ваших знакомых назвала.

— Мало ему морду бил.

Сергей усмехнулся.

— Кажется, немалое.

Он казался совсем не впечатленным, и Рожков не очень охотно подтверждал знакомство. Никакой опасности эти люди для него не представляли.

— Ну, вот еще Ленка Чума, тоже знаете? — спросил Сергей.

Вспомню Рожков задумался, потом безразлично пожал плечами.

— Этого не помню. Можете, и встречал где-то.

— Ну что ж, — сказала Сергей. — Давайте тогда сперва поговорим о Ленке Чуме. И усмехнулся задумчиво. — Человек вы опытный. Возмужка не тянуть. То, что доказано, не отрицать. Гаупо будет. И не в каких это интересах. Договаривались?

— Не оформил. Знаю.

Вспомню Рожков задумался, потом безразлично пожал плечами.

— Этого не помню. Можете, и встречал где-то.

— Ну что ж, — сказала Сергей. — Давайте тогда сперва поговорим о Ленке Чуме. И усмехнулся задумчиво. — Человек вы опытный. Возмужка не тянуть. То, что доказано, не отрицать. Гаупо будет. И не в каких это интересах. Договаривались?

— Не оформил. Знаю.

Вспомню Рожков задумался, потом безразлично пожал плечами.

— Этого не помню. Можете, и встречал где-то.

— Ну что ж, — сказала Сергей. — Давайте тогда сперва поговорим о Ленке Чуме. И усмехнулся задумчиво. — Человек вы опытный. Возмужка не тянуть. То, что доказано, не отрицать. Гаупо будет. И не в каких это интересах. Договаривались?

— Не оформил. Знаю.

БЕЛОМ ОСТ

— Да. Мне пассажиры рассказывали, как вы его искали. Не надо было столько пить с Сенькой. — Ишь ты, — уважительно произнес Рожков. — И в поезде моем, выходит, поживает!

Испуга в его голосе, однако, не было. Побывала. И, между прочим, записку ту нашла.

Сергей небрежно достал из папки клочок бумаги и показала Рожкову.

— Опа, — кивнул тот и заинтересовался: — Где ж она, зараза, валялась?

— Там, где вы ее потеряли, — медленно произнес Сергей.

Он с грудом подвала охватившее его внимание. Рожков, узнав что-то в его голосе, насторожился.

— Все так же медленно Сергей спросил: — Ну, а кто такой Гусев, а? Зачем ты его убила, Рожков?

— Секунду стола звацца тишина в кабинете. Рожков застыл на своем стуле, вперед в Сергей неподвижный, пристальный взгляд. Сдвинулся почти самым густым, черным брови над хмурными глазами, и взбучил желваки на скулах, так стиснула зубы Рожков. Потом, шедев неслышными губами, произнес:

— Никого... не убивала... Не знаю такого... Гусев...

Сергей вздохнул и покачал головой.

— Ведь мы усовались: что доказано, того не отрицать.

Рожков криво усмехнулся.

— Попробуй, докажи сперва, начальник.

— Ну что ж. Саунай.

Раскрыл державную на столе папку, Сергей вынул из нее стопку бумаг, потом не спеша закрутил и подвинул папку сигарет к Рожкову.

— Закуривай, если хочешь. Саунай придется доло.

Рожков негнущимися пальцами вытнула сигарету, не сводя глаз с Сергея, словно сторожа каждое его движение. Потом черкнул спичкой, сложил ее, достал другую, снова сложил и, наконец, пригладил шпатель, грязными ладонями вспянувший спонс.

«Сколько же на этих руках крови!» — подумал Сергей.

— Ну что ж, теперь слушай, Рожков, — повторил он. — Саунай. Убийство ты совершила накануне отъезда в Борск. В тот день, рано утром, ты встретилась с Ленкой Чуприниной. Ты его хорошо знала. Это подтверждает много. Сговорилась ты с ним о встрече заранее. Обещала дать наркотики. И этот несчастный парень бежал к тебе своим голову. Вы зашли с ним в закусочную около вокзала. Вас там видели и тебе опознавал, Рожков. Так вот. Затем вы сели в машину, синюю «Волгу» с желтыми противотуманными фарами. Ты потом мне скажешь, чья это была машина, потом, когда увидишь, что главное про тебя мы знаем. Ты же не будешь френером, Рожков. Так вот. На этой машине мы весь день следили за Гусевым.

Он ничего не подозревал. Иначе, конечно, заметил бы вас. Вы были с ним у аэропорта, на улице Третьяковской. Вас там видели, и тебе снова опознавал, Рожков. Вот еще один протокол. Можешь посмотреть. Эти люди оставляют тебе слова, если понадобится, уже не по фотографии. Поздно вечером, около одиннадцати, ты выехала из Шиньковского переулка. Ты решила, что пора действовать. Дал Чуприниной обещаний наркотики, велела пересечь в машину Гусева и ехать домой, на Цветочную. Возле Шиньковского переулка вы снова выехали из протокола допроса свидетеля Сайникова. Ты тоже видела его машину, к ней подошла Гусев. И вы поехали за ним на Цветочную. Там Гусев высадил Чуприна, а ты в это время вышла из своей машины. И, когда Гусев развернулся, ты села к нему на заднее сиденье. И тут же, Гусев даже не успев включить счетчик, удрал его сзади рукояткой ножа. Ты все очень хитро рассчитала. Так хитро, что мне даже кажется, кто-то тебе здесь помог. Нож-то был Чуприна, ты его украл накануне. И этот нож ты потом подбросила к его дому. Здесь ты допустила ошибку, Рожков. Ты подбросила его очень неудачно, около самого дома. Но прежде чем подбросить нож, ты сунула в карман убитого Гусева горстку того же самого наркотика, который дал Чуприни. Ты правильно рассчитала. Вернее, правильно рассчитала тот, другой, что поспе вычислить кофет машин Гусева, вокруг места убийства. И Чуприн сразу подалет

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

ний, не сказала бы. Только и хвастало ума из вас вора сделать. Он и Кариму это говорил?

— Карима, начальник, озабочен, — нахмурился Рожков. — Вы его не знаете, и я его не знаю.

— Ну что ж, оставим пока, — согласился Сергей. — А не скажете, почему второй раз с вами поехала не Карим, а Трофимов?

— Почему я знаю? — отрывисто произнес Рожков. — Поехала, и все.

— Допустим пока, что вы не знаете. Но ведь Трофимов не зная Семёнова. Так?

— Ну, так.

— А теперь скажите: что бы дела Трофимов, если бы Семёнов не встретил вас на вокзале?

— К чему поехали. Что же еще!

— Ну да, конечно. Вы же бывали у Семёнова, адрес его знаете. Он, кстати, на какой улице живет?

— ...Палево, что ли. Илл Луговой.

— А дом?

— Дом... Не помню, в общем. Записан у меня адрес был.

— Потерял?

— Ага. Да я и так бы его нашел.

— Зачем же записывали?

— Для Боркин.

— Гля же вы этот адрес потеряли?

— В поезде. Все карманы обшарила, не нашла.

в поле нашего зрения. И у него найдут тот же самый наркотик. Одного вы не узнали, Рожков, да второго, и не жалеете узнать? Ведь все же самый наркотик, из той же партии, ты повез с Трофимовым в Борск. Тот же самый, понимаешь? Вот закажите экспертизу. Можешь посмотреть? Но главный твой промах, Рожков, заключался не в этом.

Сергей помедлил и затолкал сигаретой. Чем больше он волновался, тем внешне спокойнее и медленнее говорил. Сейчас он на секунду умолк. Промолчал напоследок, глядя все же самым наркотиком, из той же партии, ты повез с Трофимовым в Борск. Тот же самый, понимаешь? Вот закажите экспертизу. Можешь посмотреть? Но главный твой промах, Рожков, заключался не в этом.

— Вот эта самая записка... — Сергей сделал глоток ружья... — Конечно, ты все же не знаешь, но ты ее потерял не там, Рожков. Ты ее потерял здесь же, в машине Гусева. Когда захватили из кармана нож и доставал в темноте наркотик. Там он и был, Рожков. Именно там, а вовсе не в поездке. Тебе ну никак еще доказывать надо.

Рожков молчал и все так пристально, стиснув зубы, глядел на Сергея. Рука его с поласистой сигаретой чуть заметно дрожала.

— Как вот, теперь я тебя спрашиваю... — глухо сказал Сергей. — За что ты его убил? Будешь отвечать?

— Дапку не подавали... — прозвнес Рожков еле слышно.

Сергей покачал головой.

— Нет, я даже думаю, что ты вообще не знаешь, кто это убил. Ты же все же не знаешь, кто это убил. Да ты такой, Рожков. Ты можешь и так жить. Но вот что тебе вела, это ты знаешь. Кто же это, а?

Рожков не отвечал. Он только смотрел, пристально и недобро гонимый глазами Сергея.

— Не хочешь говорить? Ладно. А кто написала ту записку? — выждал, снова спросил Сергей. — Это не твой почерк, и ты не знаешь адреса Семеновича?

Рожков не отвечал. И не делался. Он вообще словно оцепенел.

— Молчишь? Тогда я тебе скажу. Это один из твоих знакомых. К нему ты ходил в общество. К нему ты ходил в пансион. По-моему, тебе лучше его назвать.

Что-то дрогнуло в окаменевшем лице Рожкова, оцепенел Сергей, посмотрел на свои руки и невнятным губам.

— Я не слышу... — медленно сказал Сергей.

Тогда Рожков хрипло и резко произнес:

— Вот как! Тогда я тебе скажу его фамилию. Борсков.

— Не знаю такой, — передернула плечи Рожков.

С последним словно прощались, сбрасывая с себя оставшееся его одоление.

— Ведь действительно не знает? — подумал Сергей.

— А Юсифа ты знаешь?

— Не знаю. Николай, начальник, не знаю. Запомни! — со злобным прозвнес Рожков.

— Ну что же, — ответил Сергей. — Тебе виднее, какой вести себя. Только ути, внешне себя совсем решаете в твоей судьбе.

Рожков откинулся на спинку стула и насмешливо сказал:

— С чего же, начальник. Все равно все подождем и на том свете встретимся. Тогда пазель будет, кто кем был.

— Ну, до этого я надеюсь поймать его и ослепотить, как ты... — усмехнулся Сергей. — Чтобы людям спокойнее было.

Он вызвал койвол.

Когда Рожкова увели, в кабинет зашла Вальков. Встала на Сергей, он покачал головой.

— Что же подделывал... — рассвено ответил Сергей, и, помолчав, сказал: — Ничего не получилось, Алексей Маргаритов. Рожков ничего не сказал.

— Не надо ждть... — спокойно ответил Вальков.

— Что же будем теперь делать?

— Искать... — повожал плечами Вальков. — Еще активнее еще продолжать. У нас есть за что уцепиться. Что ни говори, а есть что.

— Да, пожалуй... —

Сергей только сейчас в полной мере ощутил, какой пораженческой обернулся успех в разработке Рожкова, какой неудачей, И, невольно здохнувшись, с горечью спросил:

— Выходят, все сначала?

— Ну и что? Хотя бы и сначала. Хватка у нас будальская. Ты знаешь, за что уцепился, того же

выпустим. — Он сердито посмотрел на Сергея. — Я только желал бы не поднимать. И давай считать, что же у вообще не заметна.

Глава IV. ЗАГАДОЧНЫЙ ЮСУФ

В тот вечер Сергей сделал странное открытие: в его номере кто-то побывал. Никакого беспорядка, конечно, не было и ничего не пропало. Фотоаппарат, например, по-прежнему лежит на столе, его даже не сдвинули. Но чья-то неведомая рука все же прощлась по вещам.

Нет, это не была горничная, убирающая каждый день номер. Ее следы Сергей уже знает: она тотально вычищает, вытирает пылинки со стола, протерла фотографии, заглянула в чемодан, перевернула содержимые тудал, чистая бумага в мусорной корзине и вымытая стакан около рафини со свежей водкой.

Но на этот раз было совсем другое прикрытие: не до конца задвинут ящик письменного стола, проткрыта створка шкафа и чемодан в нем тут сдвинут в сторону, но аккуратно застеленной самим Сергеем кроватью, с которой обмаче не приглядывается горничная, подушки лежат не совсем так, как обычно, а рядом оказался неслучайно закрытый ящик тумбочки.

Сергей вышел из комнаты в коридор. Большие никаких признаков чужого присутствия не было. Он повесил пиджак в шкаф и подошел к письменному столу. Да, в ящике кто-то определенно перелопачивал книги и бумаги. Он вернулся к шкафу и вынул чемодан. Вещи в нем лежали чуть-чуть в ином порядке, чем обычно. И там неведомый человек что-то искал, он упустил настоящий секретный объект, отскороный и на первый взгляд незаметный. Что же он искал? Неужели он мог предполагать, что Сергей держит в номере служебные бумаги? Нет, конечно. Но, кроме них, что его могло заинтересовать? Телефон. Почему же обязательно буржуйский Кейслер-индул записка на память, чей-то адрес, телефоны, фамилии, наконец. Да, пожалуй, он мог на это рассчитываться. И это его тоже могло устроить.

В объекте интереса нет.

Кто же это мог быть? Горничная? Сергей приехал: горничных в этаже было две. Одна молоденькая, простенькая девушка, старательная и переплюнувшая, даже пожалуй. Кажется, ее зовут Аня. Она, как и все остальные, довольно милая, когда Сергей проходил мимо, и ни за что не ронялась задолгу в номер, если Сергей был там. Вторая, горничная была похлеще и мурман, с усталым взглядом, ином сдержанным, довольно милая, но худощавая. Она, не стесняясь, заходила в номер, иногда заговаривала с Сергеем, как будто даже Сергей пожелавшая на нее взглянуть и на шее ее была чуждая, оборванная алая косылка и равнодушно. Видно, давно работает в гостинице и ко всем привыкла. Нет, пожалуй, ни одна из горничных не могла увидеть такой объект. Кто же еще? Дежурная по этажу? В другой половине эта была одоление строгости и порядка.

Нет, в номере и до этого кто-то поворачивал. Он подобра к двери и, увидев момент, когда в коридор вошел мальчик, оборвал его, открыл дверь.

Пожалуй, надо спросить дежурную и горничных, не появлялся ли в течение дня посторонний человек на этаже.

Сергей не успел позвонить, уже встал за ручку, но потом раздумал. Нет, не стоит спрашивать. Не стоит привлекать внимание к этому случаю. Надо выждать. Ведь тот человек ничего не знает и мало его повторять.

На столе звонил телефон. Сергей сгину трубку. Энергичный женский голос спросил:

— Это товарищ Корнушов?

— Да, слушаю вас.

— Товарищ Корнушов, с вами говорят из редакции газеты. Моя фамилия Мальцева. Мне по-прежнему взять у вас интервью и вообще побеседовать о том же. Это возможно?

— Это, конечно, возможно... — улыбнулся Сергей. — Но почему именно со мной? Я ведь приезжий. А у вас тут есть...

Нет, нет, у меня заранее встретится именно с вами. Это подтвердите. Вы же сами уже писали. А о том спрашивают читатели, есть письма. И мы хотим воспользоваться вашим приездом. В номере яещи случаем непреклонно, напоследок еще раз.

— Ну, если спрашивают и у вас такое задание... — Сергей пожал плечами, — давайте встретимся.

— Когда вам удобно?

— Завтра нечером. Часов в восемь. Только предварительно позвоните. Мало ли что случится может.

— В чем черном. Значит, до завтра.

— Настойчивый народ эти газетчики... — подумал Сергей, вешая трубку. — Конечно, задание есть задание. Тут у них, но сделай.

Он, уходя, прошлся по комнате, подошел к раскрытой двери. Он подождал в широкой выходящей в лаванья распущившихся шторы, огромные и необычайно красивые. Сергей невольно нагнулся и поглядел вниз.

В окно мальчишка вынырнул пятый избушка, Сергей закурил, огладал площадку перед гостиницей и невольно восторжился. Внимание его привлекли красные цветы. Сергей задумался. В последнем самым обыкновенный «Москвич», каких тысячи. Скринировать себя между двумя «Волгами», серой и черной. Может быть, его яркая окраска так бросается в глаза? Нет... Сергей задумался. В последнем же до того слишком часто подается ему на глаза красный, новенький «Москвич», слитком как обычно... И потом... Кто-то говорил ему про такой «Москвич»... Ах, да! Трофимов говорил. Он видел, что там мальчишка в белом плаще. Почему? Юсиф... Может быть, потому Сергей стал обращать внимание на все красивые четвёрта восемь «Москвичи»? Да, скорее всего. А тут еще странная присказка. Почему?

Сергей посмотрел на часы. Еще не поздно. Можно, пожалуй, пойти и сам спустится в ресторан, поужинать. Нет, никак идти не хочется. Все-таки хочется, он устал за целый день.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Сергей, отходя от окна. Бонда горничная, высокая, в белом переднике. В руках она держала пакет на длинной ручке. Видно, подождал коридор. И Сергей сразу вспомнил ее имя.

— Что, Софья Игоревна, никак, дежурите сегодня?

— Он был не прочь поговорить с ней.

— А что подделывал? — сердито отвечала та. — Приходится свои копеечки отработывать. Другое ведь... — Она кинула на окно. — А ты тут делай, а там делай. Не надо оглядываться. И все равно всего не переделаешь.

Она привычно провела одоление по полноразмерной двери шкафа и сдержанно покачала головой. — Я не могу. А если бы, я бы сама сделала.

О Господи! Срам один. За что только, мальчик делал пакость!

И, достаив из широкого кармана фартука тряпку, она отступила. Ажурный жемчужный шкаф. Затем, убрал тряпку и козырек из вальцового окошечка комнаты, она уже другим, озабоченным тоном сказала:

— Я еще одна записка. Дном тут к вам тоже приходили спрашивать. Мужички, а жаль. Советуйте, знакомые. А я и не знала, чем сказать. Когда вы, значит, будете. Они номер вам записали, скажете, звоните буду.

— Записки не оставалась!

— Записки? — Она помедлила. — Мне не оставалась. А там кто их знает. Можете, Любовь Гавриловна передать... и лениво закончила: — Ну, ладно, ладно. Вы живите.

Она вышла.

Сергей задумчиво посмотрел ей вслед. Странный, однако, получился разговор. Любовь Гавриловна, наверное, сказала что-то. Сергей увидел ее совсем недавно, когда брал номер своего номера. Она ему ничего не сказала и ничего не передала. Может быть, эти двое приходили, когда она отлучилась, потому она и разговаривала с горничной? Но тогда... Нет, она оставила записку дежурной. Кто же такие эти двое? Никаких знакомых и такжите нет. Странно.

Он прошлся по комнате и снова подошел к оному, простому «Москвичу» возле гостиницы уже не было.

— Тутroom Сергей, как всегда, пропуская рано, без всяких усилий сдвинул зарядку и привнул уду.

Когда он вынул ключ, он неожиданно увидел, что из-под двери высовывается белый уголок записки. Он мог поклясться, что, когда пропуская, записки этой под дверью не было.

Сергей сдержанно взглянул вчетверо глянцевый листок, осмотрел его, по-разному поворачивая к свету, потом развернул и прочел: «Восемь большие деньги. Кочная дед, Таксиста убил Роджков. Роджков записки доставит у знакомых людей в окнашке. Вот и так...» — Сергей не оменч хорошо. Он оставил записку дежурной.

Первым движением было выглянуть в коридор. Но Сергей удержал себя. Беспременно. Даже правдо. Но теперь, так же, как и тогда. Это... Нет. А искать, распространять, светиться вредно. Тут надо было обдумать.

Сергей снова перешагнул записку. Почерк незна-

комья. Адрес Семенова на обрывке газетки был написан другим почерком. Тут даже никакой экспертизы не требуется. Написано заранее, старательно, без поспешности, с выверенностью. А газетка, лежащая на полу, так и в самом деле можно закончить расследование, на Рोजкове.

Он стоял передо мной в одних трусах, с мокрыми, вздернутыми волосами, переживая череду психологических моментов.

Итак, ему случу ввязку и предпринять, что в противном случае «будет не очень хорошо». Кто же это должно означать? Ну, тут, пожалуй, ясно. Опишем, насколько мы знаем, и попытаемся узнать, как он придет к ним. Но записка эта означает и кое-что еще. Они знают, что Рोजков задержан, что разоблачен Семенов. Отсюда они могут все это знать? Круг знакомых Семенова в Таджикистане, ограничен, и за каждого можно поручиться: Нуриманов, Валков, Лерев, Ибадов. Вот и все. Нет, тут утечка информации быть не может. Или же Ибадов, Николай, работает, они могут проговориться случайно или рассказать кому-то из сослуживцев.

Сергей варит полушторвала легкой озноб. Из рассадного окна таяную прокладку. Четк газетки не пойдется. Он поворачивает к тумбочке и встает на часы. Ну, конечно! Он уже опаздывает.

Торопиво одеваясь, Сергей продолжал ожидать неожиданно возникшую ситуацию. «Оставить записку дежурному. Это надо сделать. Нельзя обрывать возникшую ниточку. Она может оказаться самым коротким путем к цели. Да, это надо исполнить и сделать все четко, чтобы не вызвать никаких подозрений. Поэтому не надо предпринимать никаких действий, не надо устанавливать на себя наблюдения. Все это потом. А пока... Он зантнеросно отшел от стола. Ибадов, Николай, работал, они могут проговориться случайно или рассказать кому-то из сослуживцев.

Сергей подошел к окну. Ему почему-то показалось, что у полдеды гостиницы должен стоять красный «Москвич». Но «Москвича» там не было. Битая стол стояла машина из Уралавия, и ждала она Сергея.

Сергей достал листок бумаги, пошел к столу и, секунду подумав, написал: «Все не так просто. Надо встретиться». Затем аккуратно сложил записку, достал из шкафа пиджак и напоследок внимательно оглядел комоды. Что ж, пусть придет еще раз, милости просим.

Он вышел в коридор и запер за собой дверь. Повернул ключ и записку дежурному у стола, Сергей сказал:

«Очень вас прошу, если кто мне придет и спросит, не оставал ли я записку, передайте, пожалуйста. Кстати, если она окажется, то хотелось бы попросить Софью Егоровну. Она здесь?»

«Уже смеялась», — ответила дежурная. — А что вы хотели?»

«Да так, простривить мне кое-что. Давно она смеялась?»

«В шесть утра. Вы можете попросить Алюю, — любезно предложила дежурная. — Или сидят в нашу прачечную. Правда, этого будет довольно.»

«Неважно», — ответила Сергей. — Успою. «Выходит, записку подложила не она», — пошутила Сергей, спускаясь по лестнице. «Странно. Все очень странно.»

Приехал в Уралавия, Сергей сразу направился к Нуриманову. В приемной он спросил секретаршу:

«Начальство у себя?»

«Да, конечно, — улыбнулась та. — Проходите, пожалуйста. Там только наши сотрудники.»

Нуриманов закончил утреннюю сменную, и в кинувшись к секретарше и словно уловив его нетерпение, коротко объявила:

«Все. Через час, Уменьш, зайдите ко мне. Обсудим операцию по рынку. Подготовьте людей, связавшихся с районом. Сейчас вылетает в Бухару. Задержане проверьте ночью. И чтобы ни одна собака там не треволела. А вы, Гомков, в аэропорт. Прямые вам известны, Алексеей Макаровым задержались.» — И позвонила. «Все, товарищи.»

Когда сотрудники вышли и остался один Валков, Нуриманов повернулся к Сергею.

«Давая заниматься нашим делом, Сергей Павлович.»

Сергей пошел к столу и, усмехнувшись, сказал:

«Есть внеочередная информация. Больше всего она предостерегает. Вот, почитайте.»

Он поможка передал Нуриманову записку. Тот внимательно ее прочел и передал Валкову, который уже достал очки.

«Ну, что скажете?» — спросил Сергей, когда записка вернулась к нему.

«Грубо работают», — показала головой Валков, но привычке верить в руке очки. — Видно, напутано. Но тебе засекли.»

«Они много чего засекали», — приостановительно

заметила Сергей. — Интересно, как они получат мою ответную записку и как организуют встречу? Вот тогда и посмотрим, грубо они работают или нет.»

«Надо ждаться. — подтвердил Нуриманов. — Сейчас эмвательно нельзя. Но надо быть готово.»

Он встал и пошел к телефону. — Даю! Кто вы на Рогова все предлагают новости. Это можно использовать.»

«Рано», — возразил Нуриманов.

«Не сейчас, конечно. — Делам. Но приходится.» — Валков, по телефону, — сказал Сергей и обратился к Валкову: — Вот что меня сейчас интересует. Ты, Алексеей Макарович, когда расследовал убийство Гусева, записался за одну деталь, но потерял ее. Это было восточное дело. Ты писал кому-то «объявления», что наведя «вызывает». Помнишь? И ты проследил час за часом все это то же дело. Помню «Объявления» утром, до встречи у рынка с Туляковым. Причем нигде для этого не заходил и не заезжал. Больших вещей у него не было. И хомостика тоже. А сейчас «час за часом», — Валков вступил. — Это не удалось. Мы зафиксировали только его приезд утром в аэропорт. Что было до этого, не знаем. А до этого он мне все кому-то «объявляет». Хотя бы тому же Сергею. Но ты решил его уберечь. Скажи, чью-то призыв, конечно.»

«Нет», — покачала головой Сергей. — С Рожковым он не встречался. Иначе тогда не удалось бы потомать. Тогда бы следовало за ним следить. Гусев, Гусев, встретился с кем-то другим. Повтори, кто это видел у аэропорта?»

«Видел Туляков. Видел Валков. Все его друзья, таксисты, владельцы, наконец, та женщина с мальчиком, которую он подал.»

«А что они видели, эти люди?»

«Что? Ну, Туляков видел, как Гусев женщину с мальчиком пошел, как за ним Валков отходил. Валков видел, как Гусев, Гусев, Гусев, как вышел из машины, увидел знакомого, потом как женщина тут на улицу Строевцев вез и высидала.»

«Сейчас так. Что же это за знакомый был?» — спросил Сергей.

«Валков в аэрополку.»

«Установить не удалось. Возможно его самого давал. Тот и вышел в шапке.»

«В какой машине?»

«Красный «Москвич», четвертая восьмой.»

Сергей насторожился. Опять красный «Москвич»? Кто это? Кому? Все тот же Юсуп? Да, скорее всего именно ему «объявлял» Гусев, что все «вызывает». Значит, он имел какие-то дела с этой шайкой? Как же попал в видки такой парень, который так ловко парировал вопросы друга Карина. И Карим же ездил с Рожковым в Борск. Это, конечно, он и тот же человек. Не он ли заткнул Гусева в шайку? И еще Гусев был выловлен в какую-то Дину, а то, оказывается, Альба другого. Вернее, акбит. Они ведь живы, и тот человек тоже. А Рожков на последнем допросе сказал, когда Сергей изобразил его в убийстве Гусева: «Абу не поддался». Придумал или проговорился? Или в каком-то моменте? Или же

думал о том, если он не знает, то он знает и Юсуп. И она их знает.»

«О чем думать?» — спросил Нуриманов.

«Валков и тот о чем.»

Сергей неторопливо, последовательно, сам словно зная все обдумывая и взвешивая, передал свои мысли.

«Давая», — согласился Нуриманов. — Верно думать. И это Юсуп? — очень активная фигура. Не он ли и Борисов, а?»

«И не он ли выписывает «Правду Востока» в дом, доставлять?» — добавил Валков.

«Все может быть», — сказала Сергей. — Надо узнать, как там твои хлопоты работают, каждый по своей линии. А что слышно по линии ГАИ?»

«Вот ты же знаешь, Сергей. Надо проверить, кто из красных «Москвичей». Проверить владельцы. Пока ничего нет.»

«Та-ак. Ну, пооща, потолкуем с твоими хлопотами.»

«Давая», — согласился Нуриманов.

«Валков и Сергей вышли из кабинета.»

В коридоре Сергей громко сказал:

«Обрати внимание, Алексеей Макарович. Судя по тому, что ты слышишь, информация. А оно здесь, в Таджикисте, обладает только... раз, два, три, четыре, пять человек.»

«Валков потер свой високос, с замаскированными глазами он прищелкнул перед собой пальцы. А он перенесла Сергей, и, помошав, сдержанно сказал, когда они уже подходили к его кабинету:»

«Значит, утечка идет не из Таджикиста. Кто-то из Борска, больше неоткуда.»

«Вот именно.»

«Но там Лобанов.»

«Там не один Лобанов.»

«Тогда верно», — усмехнувшись согласился Сергей. — Будет ему позвонить. Пусть кое-кого попровит.»

В кабинете Валкова они застали Лерова и Ибадова. Молодые сотрудники о чем-то оживленно спорили. Но они явно ставили на Ибадова, а не на его умелки и подвизался со своих мест.

«Ну что ж, давайте займемся», — сказал Валков, усаживаясь к столу и по привычке доставляя из верха кармана галстук свои очки. И спрашивает, кто его откопал. Ну, давай ты, Мурат.»

«У меня Борисов», — недоволиво сообщил Ибадов. — Николай Борисов. В Таджикисте Рах, оказавшись, четверть сывидать. Это просто ужас, поймайте! Кто из них полюбил до востребования писанию из Борска на главным почтатом, установить никак нельзя. Неправда, такого участю. И спрашивает, почему так. И в конце концов, прощайте, все. Складов не остается. Если бы мне известнее было. Тогда расшпистесь, пожалуйста. Ну, вот, — Ибадов сорнуто в аэрополку. — Осталось все четверть сывидать. Мне этот Борисов Николай уже снится начал.»

«Плохо», — покачала головой Валков. — Чем больше Борисов, тем ты должен быть внимательнее. Ты же пропустишь, а он, может быть, тот самый и есть.»

«Я так решил», — Ибадов сердито сузил глаза. — Отбрось все эти дедки до шестидцати, и кто паспорт тебе не нужен, пропускаешь, а он, может быть, тот самый и есть.»

«Старик немолод», — вдохнул, возразил Сергей. — У них паспорт можно украсть или попортить. И о каждом Борсове надо узнать, кто за человек. И не провала, а в лето следов. Большая работа. Он посмотрит на Валкова, — Котину в помощь тут надо.»

«Сам янай!» — запальчиво объявила Ибадов. — Через три дня вылета, пожалуйста, вылетать не придется. И вылетать не придется, брат не снится, а он снится! Совсем спать не буду, а найду!»

«Давно», — согласился Валков. — Два два еще поработать, а там вылетать, как дело пойдет.»

Он повернулся к Лерову. — Ну, что у тебя, Гомов? Леров пригладил широкую ладонью вышпирив свои волосы, откинулся назад и, наступившись, сказал:

«Я не знаю, что такое. Хотя сразу же нет. Но я знаю, в одиночку работать не привык. Тут же сеть на весь город надо набросить. Все дома четырнадцат, где в Траву Востока получают, установить надо. Даже списать тут немую, — скупо усмехнулся он.»

«Кто же ты привлек?» — спросил Валков, крутя в руке очки. — Инцидент — дело хорошее. Но сотрудничать с руководством в таких случаях не мешало.»

«Нельзя же по всякому позвать бежать к нам, Алексеей Макаровичу», — хмурился, возразил Леров. — Это не пустяк.»

«Почему, что не пустяк.»

Лерову явно было неприятно, что начальство делает ему замечание, но более при Корнунове, к тому же замечание, по его мнению, несправедливо. Он не привык к таким, и в конце концов, прощайте, Ибадов, сам понимает, что можно привлекать к такой работе. И Сергей в душе согласился с ним, но промолчал.

«Кто же ты привлек?» — повторил вопрос Валков.

«Участковых инспекторов, кто лично знаю», — сдержанно ответил Леров. — Кое с кем приваши раньше.»

«Так. И кто же?»

«Установили пока тридцать семь адресов. Никаких подозрений не вызывали. Продолжаем работу.»

«Знакомые фамилии или имена не попадаются?» — спросил Сергей. — Напримр, Борисов, Рожков, Тромфов, Гусев, Чуприн или Юсуп, Карим, Ибадов?»

«Он перечислил всех их быстро, без всякого напряжения; слишком много было связано с каждым из этих имен.»

«Все помню. Но пока не попадались», — все так же сдержанно ответил Леров.

«А знакомые адреса?»

«Ну что ж, — заключила Валков. — Продолжайте работу.»

«Это очень важная работа», — любил Сергей. — И тут все зависит от внимательности и добросовестности. Об ее действительную заброшенность человек тогда, и в конце концов, прощайте, непременно попадет, то, что нам надо. Главное, не пропустить. И следите, чтобы не утекала информация. Никому не должны быть известны имена, которые я перечислил.»

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА, Мирослав МУРАЗОВ [фото]

При входе в Ленинградский Дом моделей нас ознакомили с выставкой «Знакомьтесь, художник-модельер Наташа Торжева». Улыбающиеся молодые лица. И вперевышивку — костюмы, пальто, платья для летних вечеров в городе на Неве. Каждый рисунок говорит о руке зрелого мастера, об оригинальности мышления. Наташа, творчество которой представляют своим землякам мастера одного из ведущих Домов моделей страны, — одна из восьмидесяти художников «центра хорошего вкуса» на Неском проспекте.

В числе первых именно ленинградские мастера начали работу над созданием моделей одежды по возрастным группам. Это особенно актуально сегодня, когда мода разграничила свои предельности: если в одежде молодых сохраняется позиция спортивности, то образам новой главной героини — «страничной женщины» —

художник подчеркивает курс моды на златоглазную мягкость линии, завершенность композиции.

В нашей стране более сорока Домов моделей — в разных городах и республиках, разделенных расстояниями и климатическими поясами, историческими и культурными особенностями. Сегодня художнику мало быть просто творцом идей. Необходимо при этом быть экономайстером и этнографом, разбираться в данных демографии и в нюансах изменения стилистики одежды. Справедливо именуется одежку «этим образам времени» — языком силуэтов, линий и красок рассказывает она о времени, в котором мы живем, и о современнике — человеке труда, стремящемся быть элегантным всегда — и на службе, в походе, на отдыхе.

С нашими героями нам бы иллюстрировать улучшение жизни, подтверждали данные о росте темпов развития промышленности, наша мода становится все более расчуженной и многоликой. Константин Кудришов, главный художественный руководитель Дома моделей на Неском, убежден: «Если те-

атр начинается с вешалки, то Дом моделей — с витрины». Привлекательно и ленинградцам это справедливо потому, что модели за витринным стеклом образно рассказывают о нововыве моды. Она четко сгруппировала свой новый курс — на повзросление модного образа. Лучшие всего эту мысль моды выразил популярный в Ленинграде прилаженный костюм из легкой ткани, с удлиненной юбкой, которая рюшечкается и молодой студентке и ее матери (для молодежи эталонная длина — по колено; для тех, кто постарше, — на десять-семнадцать сантиметров длиннее). На лето Модельеры реновуют и фирменные ансамбли (в Ленинграде их можно заказать просто в ателье), а для теплых летних дней — платья из набивного ситца, с рисунком знаменитой немановской набивки. Деловое летнее платье с отложным бельем воротником и нарядное из легкого тринадцатого шелка. Пышный костюм новой длины (вместо бинни удлинение кулашкина до колен) и яркое, словно цветная мозаика, платье малышки. Да, вит-

рина Ленинградского Дома моделей определяет его лицо, потому что она вводит мысль автора моды, заставляя реальную продукцию промышленности. За дни, проведенные в творческой мастерской ленинградских художников-модельеров, слышала не раз пронизанное с гордостью: «Иста новых предложений 90 всегда реализуются на производстве! Реальность идей и практицизм моделей» — вот они, авторский почерк ленинградцев.

Аккуратно развешены на плечиках пальто, костюмы, ансамбли для улицы и летнего отдыха. Кажется, художники продуцируют тысячу и одну возможный случай нашей жизни, вплоть до необычных, загораживающих ся минут: сверкает металлическая нить, впитанная в шелковистый кружевица и изморозь узора на плажевица для выпускного бала; графичность четкой строй черно-белых линий на удлиненных костюмах для студенто-дипломантов; рюш в таком же строгом порядке — обувь, сумки, шляпки. Они создаются вместе с костюмом.

Только так, убеждены авторы моды, можно добиться, чтобы ансамбль и на деле был синонимом гармонии...

На два ближайших года модельеры предлагают три основных силуэта: прилегающий, с расширением юбки книзу; популярнейший и классический прямой. Новый стиль в любом из силуэтов завлечет о себе удивительным пропорции, которые «вытравляются» по вертикали в союзе с впечатлением гибкости и стройности. Большое внимание — деталям костюма: главная масса моды оттенит рельефы, подрезы, расположение карманов, поясов, клапачиков. Сегодня у этих «важных мелочей» не только декоративная, но и функциональная нагрузка. И еще одна черта, характерная для предложений моды этого лета: каждая модель имеет четкий адрес, ее логика и жизнеспособность определяются требованиями жизни. Вот группа так называемых деловых платьев: нарядная белая отделка карманов, короткая, переходящая в шифр, преобразует знакомые ткани в полоску, черно-белую клетку. Мягкие линии, удлиненные юбки, частое расположение мелких пуговиц — вот приметы стиля '71. А рядом новое предложение: платье на каждый день

из хлопчатобумажного маринета. Этой красивой и недорогой материал подчеркивает новую ориентацию моды — на романтизм образа. К слову, ленинградская фабрика имени Веры Слуцкой снабжает промышленность десятками расцветок и рисунков маринета. Сегодня работа художника-модельера имеет свои особенности: он мыслит комплексом моделей. На недавней демонстрационном зале — три девушки, костюмы которых выражают новые тенденции моды: ансамбль из юбки «миди» с белой блузкой и жакетом заинтересует женщин разных возрастов; молодости адресован ансамбль из короткой юбки, ситтера и короткого жакета-туника с широким атласным поясом; наконец, в третьем варианте — миллет и брюки из той же ткани, что и юбка. На наших глазах девушки «творят» новые модели, меняясь деталями ансамбля: миллет сменяет тунику, юбка — брюки. И вот вырастает перед нами унифицированный гардероб для студентки, молодой работницы, актрисы. В этом практическом предложении моды автор «триптиха» Людмила Кудимова видит огромные возможности выпуска разнообразной массовой одежды.

МОДА

ПРЕДЛАГАЕТ ЛЕНИНГРАД

**МИНУТЫ, КОТОРЫЕ
ПОМНИШЬ — ВСЮ
ЖИЗНЬ... РОМАНТИЧ-
НЫЙ АНСАМБЛЬ ИЗ
СЕРЕБИСТОГО ШЕЛ-
КА, ОТДЕЛАННЫЙ СЕ-
РЕБРНЫМ ВОЛО-
ГОДСКИМ КРУЖЕ-
ВОМ, — ДЛЯ СВАДЕБ-
НОГО ТОРЖЕСТВА.**

**О СТРОГОЙ ЭЛЕГАНТ-
НОСТИ АНСАМБЛЯ — ЮБ-
КИ «МИДИ» И БЛУЗЫ ИЗ
ЧЕРНО-БЕЛОГО ТРИАЦЕ-
ТАТНОГО ШЕЛКА ПОЗА-
БОТИЛИСЬ ТЕКСТИЛЬ-
ЩИКИ ФАБРИКИ «КАУ-
НО АУДИННЯ» (ЛИТВА)
И ДЛЯ ВАСИЛЬЕВА (ЛЕ-
НИНГРАД).**

**ВВОДЯ В КАНВУ КОСТЮ-
МА-71 СТИЛЬ РУССКОГО
САРАФАНА, ХУДОЖНИК НАПО-
МИНАЮТ: «ЗНАЯ СЕ-
БЯ!» — СОРАЗМЕРЯЯ
ИДЕИ МОДЫ С ОСОБЕН-
НОСТЯМИ ФИГУРЫ И
ВОЗРАСТА.**

**ПРЕДЛАГАЯ НА ЛЕТО
НОВУЮ ДЛИНУ — «МИ-
ДИ», ХУДОЖНИКИ НАПО-
МИНАЮТ: «ЗНАЯ СЕ-
БЯ!» — СОРАЗМЕРЯЯ
ИДЕИ МОДЫ С ОСОБЕН-
НОСТЯМИ ФИГУРЫ И
ВОЗРАСТА.**

ПОЛКОВНИК
ДМИТРИЙ НОВИКОВ

В конце 1935 года два инженера-механика итальянского военно-морского флота, Тезен и Тоска, сконструировали человекоуправляемую торпеду: шесть метров в длину и около полуметра в диаметре, два гребных винта вращались с помощью электромотора.

Перком на торпедо сидели двое: впереди — водитель (перед ним находился приборная доска с часами, компасом, амперметром и манометром), сзади — водолаз. Оба были одеты в водонепроницаемые резиновые комбинезоны, за спиной — баллоны с кислородом. Управляемая торпедой могла находиться под водой около шести часов, идти со скоростью до трех узлов и погружаться на глубину до сотен метров.

В рамках боевых действий в Эфиопии генеральный штаб итальянского военно-морского флота решил создать отряд водителей управляемых торпед, который впоследствии превратился в специальное флотилию.

В июне 1940 года фашистская Италия вступила в войну против Англии и Франции на стороне нацистской Германии. Итальянские командиры тотчас вспомнили об изобретениях Тезен и Тоски.

В августе 1940-го итальянская разведка сообщила, что в порту Александрии стоит два английских линкора и две эсминца. По приказу командира итальянских ВМС подводная лодка «Ирадо» — носитель человеко-торпед — должна была подойти к Александрии.

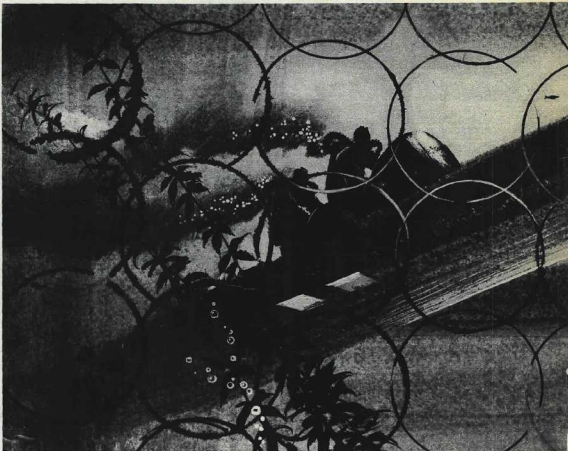
Утром 21 августа лодка встретилась с миноносцем «Калипсо». В это же время эсминцы заметили три английских самолета-торпедоносца. Командир лодки решил самовзрывать и пушечным огнем отогнать самолеты. Но силы были не равны: два самолета огнем своих пушек уничтожили оружейный расчет, третий сбросил торпеду, которая пробила правый борт в носовой части подводной лодки и взорвалась в кают-компании. «Ирадо» немедленно затонула.

21 сентября 1940 года подводная лодка «Гондар» с тремя управляемыми торпедками на борту вторично попыталась доставить свой груз в Александрию. В этот раз торпеды не попали в цель благополучно, но экипаж базы командир получил приказ вернуться: английские корабли, но датским разведки, покинули базу. Здесь лодку обнаружил военный корабль англичан; двадцать часов они сбрасывали глубинные бомбы. «Гондар» теряет устойчивость и все меньше слушается рулей. Наконец она начинает погружаться на глубину и, встав в воздушный туннель, выскакивает на поверхность. Команда быстро покидает лодку. Лодка ее открыты, и вскоре она погружается — теперь уже навсегда.

Примерно в это же время еще один носитель человеко-торпед — подводная лодка «Шире» вышла в район Гибралтара, однако на подходе к проливу ее отозвали. В конце октября «Шире» снова покинула свою базу и благополучно подошла к Гибралтару. От входа в порт ее отозвали четыре мины. Шесть человек в защитных резиновых костюмах занялись осмотром трех управляемых торпед: две из них вскоре затонули в тесной бухте, третья торпедой достигла мolo в северной части английской военно-морской базы и тут же пошла ко дну под самым боком линкора «Бархэм».

В мае 1941 года «Шире» снова идет к бухте Александрии — здесь она сплывала на воду три управляемые торпеды. Но и на этот раз все они мгновенно затонули...

В сентябре «Шире» в четвертый раз прощается с Гибралтарской бухтой. Опять вылезает из цилиндров три торпеды, экипажи по двое усаживаются на них и на малой скорости направляются к порту. Одна из торпед идет у самой поверхности — вода скрывает человека только до пояса. Она благополучно мкнет английские сторожевые катера, которые патрулируют на рейде и в порту и порт в порывистых образуют для предосторожности глубинные бомбы. Затем погружается и осторожно подходит к входу в порт — нужно проверить, есть ли там остевое заграждение. Сеть оказывается противолодочной — с большими ячейками, и торпеды без труда проходят сквозь нее. На фоне ночного неба экипаж видит длинный силуэт большого транспорта. В полной темноте торпеды медленно идет в корабль, пока не упирается в его борт. Выдетка погружается, надуывает боковые мины и прикрепляет к нему боевую головку торпеды. Введен механизм взрыва — в скорое назад!

Торпеды, оставив заряд, проскакивает противолодочную сеть и благополучно идет к берегу. Вся операция заняла около пяти часов. На рассвете шлюбом услышали сильные взрывы: на дни лодки два крупных танкера и грузовой бортлиндрасы транспорт англичан.

В декабре 1941 года «Шире» вновь попробовала прорваться в Александрию. Экипаж одной из торпед пошел к борту линейного корабля «Валента», опустился под его килем (он почти доставал до килевого дыра) и поставил под него боевой заряд. Когда диверсанты всыпали, их сейчас же заметили с борта линкора. Несмотря на это, хотя англичанам было ясно, где перед ними. В четыре часа утра взрыв потряс корпус «Валента», а еще через два часа он осел на дно. Всех за ним взорвался второй линейный корабль — «Кинг Эдвард». Затем затонул большой танкер...

В 1942 году человекоуправляемые торпеды появились у англичан и японцев. В принципе они мало отличались от итальянских, но тактика их применения была иной.

В октябре 1942 года англичанам стало известно, что в одном из фьордов Норвегии, недалеко от Тронхейма, всего в каких-нибудь 450 миль от Шетландских островов, стоит на ядре линейный корабль «Тирниц» — гордость нацистского флота.

План состоял в следующем. Небольшое рыбо-

РЕПАРАТ НА ТОПЕДЕ

ловное судно «Артур» тащит на буксире две торпеды. Команду рыбаков снабжают фальшивыми норвежскими паспортами; на судне находится груз, якобы предназначенный для доставки в Тронхейм.

26 октября 1942 года «Артур» покинул Шетландские острова и пошел к норвежским берегам. Утром 29 октября корабль вошел в пролив Тронхеймский, где немцы установили свой контрольный пост. Англичане знали об этом и не сомневались, что предстоит проверка судовых документов и паспортов, а возможно, и осмотр судна. Поэтому они заранее спустили торпеды и сиртаки их под килем судна. Действительно, немецкий катер подверг судно осмотру: болонг часа контролер тщательно проверил судовые документы и паспорта членов экипажа. Но все обошлось благополучно.

Было решено маневрировать «Тирниц» ближайшей ночью. В этот день в Тронхейм-Фьорде разразился шторм, и рыболовное суднышко, двигавшееся которого причинил много беспокойства механику, вошло в бухту. Здесь рыбаки обнаружили, что управляемые торпеды под судном лет. По-видимому, торпеды сорвались с креплений и остались где-то позади, на два моря. В это время «Артур» находился всего в пятидцати милях от «Тирница»...

29 декабря 1942 года английские подводные лодки «Тандербольт» и «Триггер» далились к

КОМОС

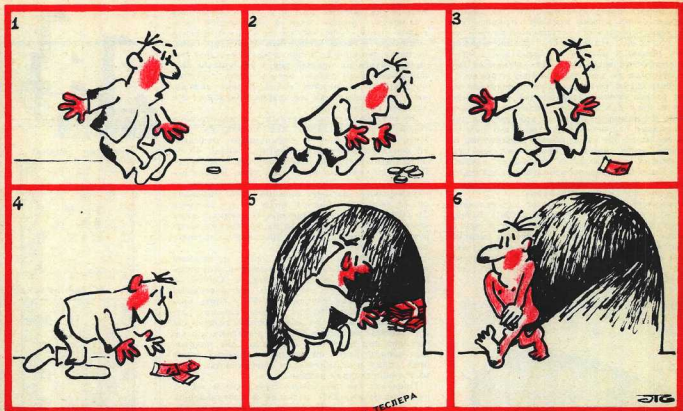

Рисунок Ольга ТЕСЕРА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИНОВА

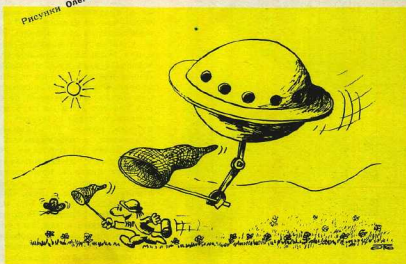

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

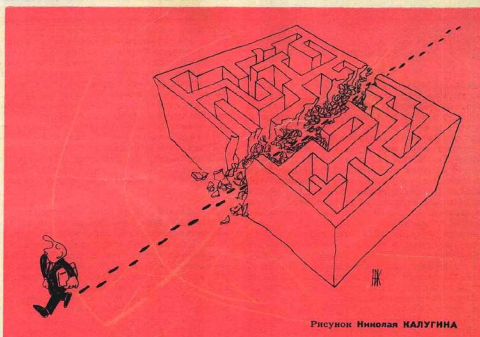

Рисунок Николая КАЛУГИНА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 24/IV 1971 г. А 00922. Подписано к печ. 14/VI 1971 г. Формат бум. 70 x 108%.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,35. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1318. Заказ № 1317.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МЕЖДУ ЛЕТОМ И ЗИМОЙ

Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА
Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Сим порой приходит к нам самые разные,
Вот опять мне снится до зары —
То ли на лугу пылают лалы красивые,
То ли прилетели снегирь.

Снится, что под звездами синими, вечными
Ты проходишь, голову склоня.
И не разобрать — слышима ко мне навстречу ты
Или едаль уходящий от меня.

А луна чуть джонкется грустная, светлая,
И под этой светлою луной
Я тебя зову, нуду тебя по свету я,
Где-то между летом и зимой.

...Вновь смотрю в глаза твои добрые, ясные,
Но нельзя понять, как им смею —
То ли на лугу пылают лалы красивые,
То ли прилетели снегирь.

КРОССВОРД

Составил Е. ТОЛУБЕВ, г. Пенза

По горизонтали:

- Герой кинофильма «Путь в жизнь».
- Небольшой производственный коллектив.
- Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка».
- Нурот в Туркмени.
- Спортивное состязание на определенной дистанции.
- Модель.
- Столица Венесуэлы.
- Крутая гора.
- Озеро на Камчатке.
- Государство в Северной Америке.
- Французский фильм XVIII века.
- Древняя рукопись.
- Вулканическая горная порода.
- Металл.
- Плавучее сооружение для добычи золота.
- Бальный танец.
- Сушеные фрукты.
- Основное население союзной советской республики.
- Форменная куртка.
- Десятичная единица Венесуэлы.
- Проверочное испытание.

По вертикали:

- Балет Ф. Ш. Яруллина.
- Правдаделение в систематике животных.
- Первый русский литературный альманах, издаваемый И. М. Нарзинным.
- Рыболовная снасть.
- Советский минералог и геологический академик.
- Небольшое художественное произведение.
- Легкая женская одежда.
- Лесная птица.
- Фрукты, приготовленные в сахарном сиропе.
- Звездная система.
- Инструмент для определения малых линейных размеров.
- Тригонометрическая функция.
- Высокий женский голос.
- Советское спортивное общество.
- Сыгнал об опасности.
- Часть травянистого растения.
- Осетровая рыба.
- Город в Казахстане.
- Часть речи.
- Американский полт-декарт.
- Птица отряда куликов.
- Денежные средства, хранящиеся в банке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

- Корчагин.
- «Золото».
- Донко.
- Отва.
- «Синжал».
- Катвэ.
- Вайов.
- Онег.
- Родственский.
- Литва.
- «Вольница».
- «Роман».
- Фредсон.
- Винчи.
- «Обоз».
- Снап.
- Нингити.
- «Виндзор».
- Саша.
- Фалева.
- «Мюшпа».
- «Ноль».
- Нипа.

По вертикали:

- «Полубок».
- София.
- «Виндзор».
- Новиков.
- Богдан.
- Роман.
- «Чайка».
- Кеши.
- Колма.
- Самос.
- Дьяволь.
- Нарпалм.
- Иядов.
- «Тосна».
- «Гроссдин».
- Чипилин.
- Ониан.
- «Итрония».
- Опороз.
- Циния.
- Онеги.
- «Звезда».
- Нингити.
- Иснев.
- «Илрот».
- Брова.
- «Стиль».
- Анны.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СМЕНА» № 11

- Старинный пистолет.
- Сорок пять квадратиков.

- Черточка представляет собой сад. Кружки — деревья, заштрихованные квадраты — хозяйственные постройки. Садовник выходит в сад и омаывает деревья. По какой дороге придет он к выходу? Дорога не должна пролегать по диагонали и по тем квадратам, в которых садовник уже был.
- Соедините черные кружки прямыми линиями так, чтобы получить шесть геометрических фигур.

ЛЕТО 1971

Мы уже говорили: мода делит свои предположения на молодежные и взрослые. Известно, что молодежь всегда подхватывает самые смелые новые идеи моды. Но согласится ли «возроснуть» в удлинненном силуэте вчерашняя героиня моды так же охотно, как «молодеца» с помощью стили «впородила» ее взрослая сестра и мать? По мнению художников, Новая мода, более зрелая и выскаякая, не старт и не объединяет вкусов молодых. Совсем наоборот. Она способствует выработке ощущения стиля, вкуса, культуры движения, новой манеры общения. Молодежная мода недавнего прошлого на первый план выдвигала спортивность образа, задор, динамизм танцевальной. Теперь же акцент переместился в сторону внимания к духовному облику человека. Перемены моды коснулись и обуви — на широком каблуке, с округлым носком, она поставила нас на ноги в полном смысле слова. Изменился стиль головных уборов: сегодня это жестянные шляпы с широкими полями, мягкие береты. С современными ансамблями гармонируют новые формы сумок — трапеции и прямоугольники. Но дело не только в этих «создаваемых» деталях — меняется сам модный образ. Раньше известно было подчеркнуть губы, глаза. Теперь резкий грим на лице по меньшей мере неуместен. Создателя гардероба сезона, мастера моды подчеркивают духовный интеллект, душевную зрелость. Об эстетическом значении нового стиля эстетичности художники не имеют забывать: ведь в нашей стране сорок процентов трудящихся — молодежь.

Именно им адресуют свои новые предположения авторы моды Брючные ансамбли в разных вариантах — для танцевального вечера и туристского похода. Ансамбли «плетеных» платков, комплекты для отдыха туника из набивного ситца и легкая брючная, платья из невесомых ситцев с жемчужным ободком, отделанным волосами, или носки в начале вьюх доушки на улицах Петербурга, Сарова, Москвы. Если утонченный гардероб обогащает молодежную коллекцию; и одной паре брюк — целый набор туник, рубашек, милетов, меняющих стиль и интонацию ансамбля.

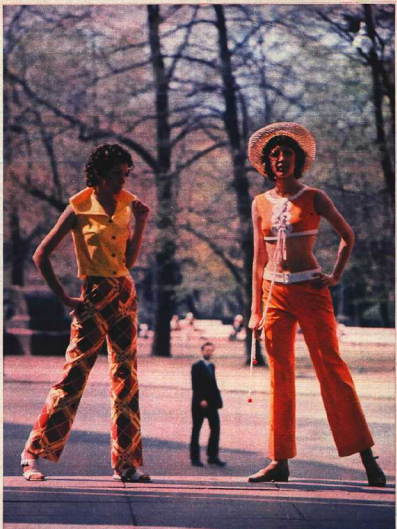
Роль первой сорочки в нашем костюме по-прежнему у ткани. Ленинградцы широко используют для свежести каждого дня лен, поплин, мадрилет, майю и вуаль. Шифон, ирландский, морилет, шелк с блестящими нитями «металлит» — это для празднично, для вечера.

Разнообразие — главный девиз моды нынешнего лета. Об этом напоминает и новая цветовая гамма, особенно яркая и щедрая в костюмах молодежки и теплой и холодной оттенками красного, желто-зеленого, бирюзового. Ленинградцы добавляют традиционные любимые цвета — о летнем небе над Невой, об ослеплив прозрачности белых ночей напоминая перламутровосеребряные и золотистые тона.

Разнообразная, зинная стала мужская мода. По мнению И. Юрдишова, автора многих новых идей в костюме сильной половины человечества, мужская и юношеская мода дифференцируется по стилю и оформлению. Самые острые идеи — молодежи. Это куртки с короткими «стойками», длинные милеты, яркие рубашки, блузы из недорогих материалов для вечера.

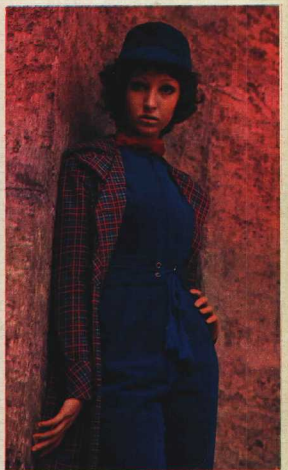
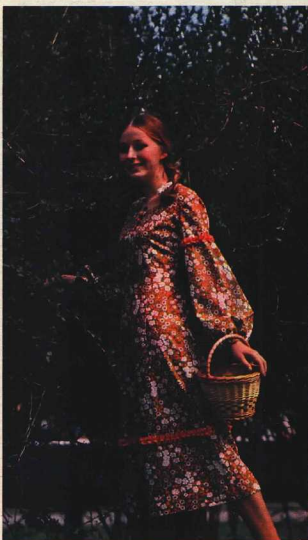
— Мужские тоже необходимо менять свой облик в течение дня — это складывается за «равноправие» моды художники, рабочий стол которого сегодня заполнен новыми летней мужской блузы по восточным новаторствам; «вечерних» сорочек из плотной шерсти с металлической нитью (вот и не нужен пиджак лето); сорочек-кудурок, отделанных декоративной строчкой и металлическими пуговицами.

Еще нередко слышишь, что мода капризна, причудлива, изменчива. А почему? Ведь теория ее по законам логики и диалектики мысли и души человека. Не капризничает — трутница. Не причудлива — искусник. Таня, как воспевают авторы нового стиля эстетичности из Ленинграда.

БРЮЧНЫЕ АНСАМБЛИ ПРОЧНО «ПРОИСАНЫ» В ЛЕТЕМ ГАРДЕРОБЕ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ХОРОШИЙ ВКУС — ПРИМЕТЫ «ПОЧЕРКА» ЛЕНИНГРАДСКИХ МОДЕЛЬЕРОВ.

АНСАМБЛЬ — ЭТО ГАРМОНИЯ ВСЕХ ДЕТАЛЕЙ!

«ПО ГРИБЫ» — НАЗВАЛИ ХУДОЖНИКИ ЭТО ПЛАТЬЕ ИЗ НАВИВНОГО СИТЦА С МОДНО ПРИБОРИНЫМ, ПИРОКИМ РУКАВОМ.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820